

ПИОНЕР

МАРТ

Издательство „Правда“ 1951 г.

3

П И О Н Е Р

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

№ 3

Март

1951 г.

Здравствуй, весна!

С К О Р О Э К З А М Е Н Ы

Скоро начнётся последняя четверть школьного года, а потом наступит самая ответственная для всякого школьника пора: экзамены — проверка своих знаний, итог труда за год, отчёт перед учителями, перед родителями, перед всей страной в своей работе.

Многие школьники, отрывая утром листок календаря, думают: «Ещё на день ближе 20 мая».

Повторить, вспомнить, что забыл, проверить, нет ли пробелов в знаниях, — этим озабочены сейчас сотни тысяч школьников. Ребята собираются вместе, чтобы поупражняться в решении задач, перелистывают давно прочитанные и выученные страницы учебников. Не забыто ли старое? Нет ли чего непонятого, пропущенного?

Но учебника мало. Ребята идут в библиотеки и читальни. Тысячи молчаливых друзей — книг — ждут на полках, готовые дать ответ на любой вопрос тому, кто хочет расширить, углубить свои знания.

Пусть же каждый из вас, ребята, потрудится хорошенько в эти дни, чтобы весело и уверенно подойти к столу на экзамене и, протянув руку за билетом, сказать себе: всё в порядке, всё готово.

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

Рассказ К. Киршиной

Рисунки Б. Винокурова

Хорошее время — утро. Ты вскакиваешь с постели, а на душе радостно, потому что впереди целый новый день. Сколько успеешь увидеть, узнать, сделать!..

Вот так и Лёша Коротков, едва только откроет утром глаза, едва поднимет с подушки светловолосую голову, как уже смотрит кругом вопросительно и с любопытством. По его широкому, скуластому лицу ясно видно, что он ждёт чего-то нового, удивительного, необычайного. И ожидание это всегда оправдывается! Не бывает ведь такого дня, который в точности походил бы на вчерашний, такого дня, когда бы ровно ничего не случилось.

Но Лёша не просто ждёт событий. Ему с утра хочется действовать, руки словно ищут, за что бы им приняться. Поэтому он и не валяется в постели: глупо лежать, если не спишь и если впереди столько интересных дел. Как-то раз Лёша прочитал книгу по астрономии и позавидовал марсианам, у которых дни и годы гораздо длиннее наших. Лёшу страшно возмущает, что человек целую треть жизни проводит во сне.

— Неужели учёные ничего не могут придумать, чтобы люди не теряли попусту так много времени?.. Вот вырасту, непременно изобрету какой-нибудь заменитель сна!..

Но пока, как Лёша ни старается, он не может просыпаться раньше мамы. Первое, что он слышит по утрам, — это мамины шаги в соседней комнате. И сейчас тоже Лёша слышит, как она ходит там, мягко ступая, как ставит на стол посуду.

Лёша потянулся, сел, но в это время дверь скрипнула, и он мгновенно припал к подушке, закрыв голову одеялом. Тихонько смеясь про себя, он ждал, что мама подойдёт и станет его будить.

Мама вошла в комнату, приблизилась к кровати... Сейчас скажет что-нибудь шутовское, вроде: «Эх ты, сынуля-сонюля!» — и потянет одеяло. А он как вскочит!..

Но мама почему-то молчала.

Что же она делает? Лёша не утерпел, чуть-чуть отогнул одеяло и выглянул.

Мама держала в руках лёшин башмак и внимательно осматривала его. Её тёмные брови были

нахмурены, на лбу обозначились морщинки. Мама что-то шептала про себя.

«Неужели опять подмётка отлетела? — с тревогой подумал Лёша. — Беда с этими подмётками: только поиграешь в футбол, как они уже и отстают».

Лёша вспоминает вчерашний день. Было холодно, он выходил на улицу ненадолго. Ребята, правда, гоняли мяч, но он не поддал его ни разу. Нет, башмак должен быть цел.

Что же мама задумалась над ним? Заглядывает зачем-то внутрь, выдёргивает шнурок, снова вдевает его...

Лёша уже забыл, что хотел притвориться спящим. Он с любопытством смотрит на маму. Вот она поймала его взгляд и засмеялась:

— Не спишь, хитрец? Вставай.

Отбирая у неё башмак, Лёша спросил, умеешь ли:

— Думала, прохудился?

— Думала. Да ещё калоши хотела на них примерить, впору ли будут. Нынче ведь без калош не выйдешь, зима на дворе.

— Да?

В один прыжок Лёша очутился у окна и раздвинул занавески. Ну, вот и первый подарок нового дня: белеющий за окном снег. Он покрыл землю, крышу сарая, побелил ветки клёна. А клён так и замер, не шелохнется, точно боится стряхнуть с ветвей нарядную опушку.

Скоро и на каток можно будет пойти. А подойдут ли коньки на эти ботинки?

Занявшись опять своими ботинками, Лёша спросил:

— Мама, а зачем ты шнурки выдёргивала?

— Да вот на эти блочки смотрела. Умно кто-то придумал: шнурок вдевать легко, и кожа не рвётся.

— Что за блочки?

— Ну железные ободки вокруг дырочек. Как их ещё называют? Пистончики, что ли? Вот эти, — показала мама.

Лёша удивился: «Есть на что смотреть!» — и сказал:

— Будто ты их в первый раз видишь.

— Не в первый раз. Но как-то не замечала раньше. А ведь умно!..

Пожав плечами, Лёша стал торопливо одеваться. Ему сегодня очень некогда. Ещё бы, ведь вечером будет дружинный костёр, а он, Лёша, получил почётное право зажечь его. Конечно, ему не придётся собирать хворост и показывать своё умение разжигать костёр одной спичкой, как бывало летом, в лагере. Нет, нынче его обязанности посложнее: костёр будет электрический, красные язычки бумажного пламени должен раздувать маленький вентилятор... Вот то-то и дело, что должен! Но пока не раздувает почему-то.

— Лёшенька, как по-твоему, ведь эти блочки быстро вставляются? — спросила мама.

— Да что они тебе дались? — с досадой отмахнулся Лёша, думая о своём.

Мать взглянула на сына и ничего не сказала, только над её правой бровью чуть изогнулась морщинка. Лёше стало неловко. Видя, что мама надевает пуховый платок, он спросил:

— Ты уже уходишь? Рано же ещё.

— Я и хочу пораньше, надо до работы с технологом встретиться...

Заметно было, что она всё занята какими-то своими мыслями; пальто взяла, не глядя, с рассеянным видом. И только подойдя к двери, как будто вспомнила про Лёшу, про домашние дела и, обернувшись, сказала:

— Ты уж истопи, пожалуйста, печку, когда придёшь из школы, а то мы с тобой вечером замёрзнем. Не мешало бы ещё окно промазать: дует в него. Приедет отец, скажет: «Без хозяина дом — сирота!» А как же сирота, когда ты у меня хозяин?.. Ну, да если не успеешь с окном, не возись — я ведь знаю, какой нынче у тебя день!..

Предупредив Лёшу, чтобы не ждал её обедать — она задержится на фабрике и поест там в столовой, — мама ушла.

«Что-то она затеяла!» — подумал Лёша.

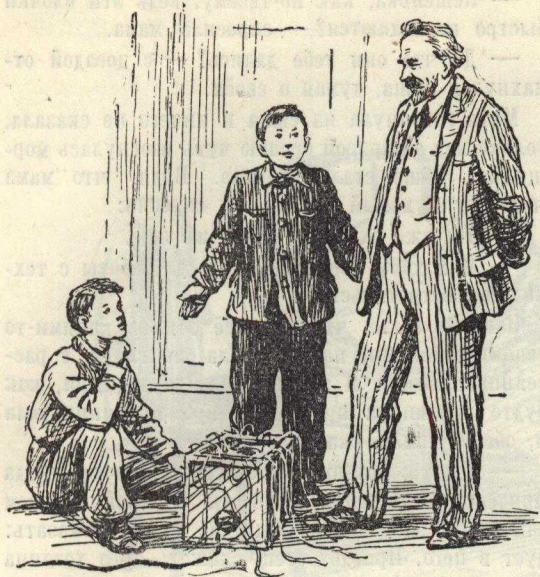
Но, честно говоря, мамины дела его не очень занимали. Она ведь работает на швейной фабрике, в кройном цехе, а всякая там кройка, шитьё и прочее рукоделие могут интересовать только девочек — Лёша в этом убеждён. Что касается его, он любит технику и непременно будет инженером. Жалко вот, что школу он окончит только через пять лет. К тому времени гидроэлектростанция, самая большая в мире, которую теперь начали строить на Волге, будет уже готова.

Одно утешение у Лёши: если не сам он, то зато его отец помогает строительству. Отец у него — машинист, водит тяжеловесные составы, и Лёша сам видел на его паровозе длинное красное полотнище, на котором написано: «Грузы волжскому гиганту!» Отец говорил, что такому поезду на всей линии дают «зелёную улицу» — пропускают на станциях без задержки, раньше других поездов...

Если бы отец сейчас был дома, не в поездке, его можно было бы пригласить сегодня в школу, на костёр, в числе других почётных гостей. Нынче ведь как раз будет беседа о том, как вся страна строит волжскую ГЭС.

Наверное, будет очень интересно!..

«Интересно-то интересно, а костёр у меня ещё не готов... Почему же, всё-таки, вентилятор не дует?» — мучительно, в который уж раз спрашивал себя Лёша. Об этом же он думал, когда пришёл

— Да-а, значит, не догадываетесь, в чём тут секрет?

в школу. А там у всех ребят только и разговоров было, что о предстоящем сборе. Председатель совета отряда Игорь, серьёзный и немножко придирчивый, проверял, всё ли сделано.

— Стенгазета выпущена... Лозунг написан... Выставка открыта, — перечисляя он, ставя «галочки» в своём блокноте. — Гостей второй отряд пригласил... А костёр-то, костёр как, Лёша?

— Я сейчас, — уклончиво ответил Лёша и, не выдержав вопрошающего взгляда Игоря, побежал в кабинет физики, к Александру Капитоновичу.

— Александр Капитонович, пойдите посмотрите, — умоляющим голосом сказал он, — вы обещали!

— Ты так просишь, будто я отказываюсь. Валентин уже забегал ко мне, он сейчас в зале. Пойдём...

Лёшин закадычный приятель и верный помощник по части технических дел Валентин сидел на полу зала, склонившись над вентилятором, и по его хмурому лицу было видно, что он тоже не знает, почему дело не идёт на лад.

— Не дует? — спросил Лёша и ревниво добавил: — Зачем же ты без меня пробуешь?

— Да я только всё приготовил, ждал, когда ты придёшь. Ну, включай, — ответил Валентин.

— Смотрите, Александр Капитонович, что получается, — огорчённо сказал Лёша, включая вентилятор. — Вот он кружится, а пламя, видите, разок трепыхнулось и опять легло.

Действительно, бумажные полосы сначала будто ожили, приподнялись, но потом опустились и

только чуть вздрагивали, хотя вентилятор работал.

— Да-а, — протянул учитель. — Значит, не догадываетесь, в чём тут секрет? Подумайте ещё. У вас ящик с вентилятором стоит прямо на полу... Подумайте, подумайте.

— А почему на полу плохо? Куда же его поставить, ведь костёр должен быть на земле? — спросил Лёша, приподнимая ящик обеими руками.

В этот момент бумажные язычки, прикреплённые к краям ящика, дружно поднялись вверх и беспокойно зашелестели.

— Ну, как? — спросил Александр Капитонович. — Поняли, в чём дело?

Лёша поставил ящик на место — и пламя по-никло, приподнял — опять ожило.

— Кажется, поняли... — медленно сказал он. — Чтобы вентилятор дул, нужно, чтобы снизу шёл воздух...

— Конечно! На дне ящика у вас большое отверстие, но если поставить ящик прямо на пол, притока воздуха не будет. Что же надо сделать?

— Подставочки! — закричал Валентин.

— Ну да, сделайте подставки, два каких-нибудь устойчивых чурбачка.

— Спасибо, Александр Капитонович! — поблагодарил Лёша, глядя на учителя сияющими глазами.

«Вот как хорошо, когда есть с кем посоветоваться!», — думал он, испытывая счастливое чувство, знакомое каждому, когда долго ищешь чего-нибудь и наконец находишь... Теперь можно было успокоить Игоря: костёр горит!..

Из школы Лёша с Валентином шли вместе.

— До костра ещё пять часов, — сказал Валентин, — сейчас пообедаем, отдохнём, уроки выучим. А потом я за тобой зайду.

Дома Лёша разогрел на плитке обед, приготовленный мамой с вечера, поел, убрал посуду и отправился в сарай за дровами. Первый снег так и не растаял. Правда, он лежал совсем тонким слоем, и, когда Лёша прошёл по двору, от крыльца до сарая пролегли тёмные следы, снег приставал к подошвам. Но всё же он держался, этот лёгкий белый покров.

Только Лёша собрался колоть дрова, как в сарай заглянул Валентин.

— Ты что так рано? Я ещё и уроки не учил.

— Да и я не учил, погоди ты с уроками! Знаешь, о чём мы забыли? О гостях!

— Ничего не забыли, их приглашал второй отряд, — ответил Лёша.

— Да мы-то должны были зал украсить, вот в чём дело! — с прежней горячностью продолжал Валентин.

— Так ведь это поручено славкиному звену!

— Ну, уж славкино звено украсит, как же!

А я, знаешь, что придумал? Надо взять из живого уголка все цветы и поставить вокруг костра. Будет, как в лесу, в лагере! А? Давай скорее в школу сбегает!

— Зачем же сейчас бежать? Цветы можно расставить и вечером, — резонно заметил Лёша.

— А вдруг Елена Петровна вечером не придёт? Ключ-то от биологического кабинета у неё. Да мы быстро сбегает! Только возьмём ключ. А потом вместе уроки выучим. Не понимаю, чего ты раздумываешь!

Лёша сдался. Но в тот момент, когда они, красные и запыхавшиеся, явились в школу, там шёл урок и Елену Петровну невозможно было вызвать из кабинета в коридор. Пришлось ждать целых полчаса.

Наконец зазвенел звонок, и ребята бросились к биологическому кабинету. Елена Петровна развела руками, когда услышала их сбивчивую просьбу.

— Да что вы, друзья мои, цветы давно уже в зале, — сказала она.

— Славкино звено без нас не догадалось! — иронически буркнул Лёша, извинился перед Еленой Петровной и вышел из кабинета. Валентин пошёл за ним...

Ох, как неуютно было в нетопленном доме! Лёша хоть согрелся, пока наколот большую охапку дров и принёс её из сарая. А Валентин совсем зажёгся, сидя на стуле с поджатыми под себя ногами. Но он мужественно старался не показывать вида, что замёрз, и бодро читал вслух главу из учебника географии. Всё равно топить печку теперь уже было поздно: некогда ждать, пока прогорят дрова.

— А если оставить трубу открытой, когда будем уходить? — предложил он всё-таки, поёживаясь.

— Белый свет не натопишь, — ответил Лёша, как говорила мама. Вспомнив про маму, он нахмурился, бросил на товарища сердитый взгляд и вздохнул:

— Вот придёт мама после работы в такой ледник...

— Ну ладно уж, — виноватым голосом сказал Валентин, — вот увидишь, она тебе ничего не скажет. Ты ей каждый день помогаешь, а гости у нас раз в год бывают. Разве она не поймёт?

Уходя из дому, Лёша положил на стол записку:

«Мамочка, я не успел сделать того, что ты велела. Я был занят, у нас нынче почётные гости, ты уж извини.

Алексей».

* * *

Один за другим вошли в зал отряды пионеров и выстроились на линейку. Лёша в новой белой рубашке с красным галетуксом тоже замер в общем строю...

Кто из ребят не любит этого торжественного момента, когда стоишь плечом к плечу с товарищами, а председатель совета отряда отдаёт рапорт?.. Он говорит, что в отряде двадцать семь человек, присутствуют все, к сбору готовы, а ты слышишь в его голосе лёгкое волнение и тоже волнуешься и повторяешь про себя каждое слово. Очень хочется, чтобы рапорт был отдан без запинки, лучше всех! Ведь он отдаётся и от твоего имени, ты один из тех двадцати семи, что готовы к сбору; если бы ты не пришёл, их было бы только двадцать шесть...

— Дружина, смирно! На знамя равняйся! — командует старший вожатый.

И ты, весь подтянувшись, провожаешь глазами красное знамя, которое чуть колышется в руках знаменосца, проносащего его на правый фланг. Ты знаешь, что это знамя реяло во главе колонны твоей дружины ещё тогда, когда ты не был пионером. С ним проходили ребята по площади в день Первого мая, его пронесли по зелёному полю стадиона на пионерском параде, оно стояло в группе других знамён у трибуны городского пионерского слёта... А сколько ребят произносили перед ним слова торжественного обещания! И ты сам отдал ему свой первый салют.

Лёша тоже испытывал это чувство радостного подъёма, когда хочется немедленно сделать что-нибудь чрезвычайно хорошее!..

Открывая праздник, старший вожатый Леонид Юрьевич, похожий на командира в своей защитного цвета гимнастёрке, сказал:

— Вы все знаете, ребята, какая великая стройка идёт на нашей родной Волге. В этой стройке участвует, ей помогает весь советский

Валентин читал вслух главу из учебника.

народ: рабочие заводов, лесорубы, железнодорожники, речники, учёные, колхозники. Участникам стройки мы и посвящаем наш сегодняшний сбор. Право зажечь костёр завоевал первый отряд. Зажечь костёр!

— Есть зажечь костёр! — звонко ответил Игорь.

Игорь, Лёша и Валентин вышли на середину, присели возле поленьев, сложенных «колодцем». Коротко щёлкнул выключатель, вспыхнула лампочка, спрятанная внутри «колодца», раздалось лёгкое жужжанье... Приподнялся один трепетный язычок, другой, третий... И вот уже всё бумажное пламя зашевелилось, забило, как живое.

Кто-то из старших выключил свет, и зал освещало только красное пламя костра. Лёша оглянулся на ребят, чтобы увидеть, каково впечатление. Елестящие глаза, восторженные улыбки, прошлепавшие по рядам тихие одобрительные возгласы были ответом на его безмолвный вопрос.

— Садитесь поближе, поудобнее, — пригласил вожатый ребят. — А вот сюда, на почётное место, попросим дорогих гостей!

Гостей было двое. Тот, что сел поближе к костру, был с усами и небольшой бородкой, в чёрном кителе с погонами и двумя полосками орденских ленточек. «Водник», — с удовольствием отметил про себя Лёша. Ему нравились водники: они ведь тоже работники транспорта, как его отец... Другой гость был помоложе, бритый, в украинской вышитой рубашке и сером костюме. Он сидел, сложив на коленях большие тёмные руки, и смотрел на ребят внимательными глазами. Его лицо было знакомо Лёше, но он никак не мог вспомнить, откуда...

— Слово предоставляется штурману парохода «Витязь» Павлу Ивановичу Веселову, — сказал вожатый, и все захлопали в ладоши.

Павел Иванович встал, погладил бородку.

— Уж кому-кому, а нам, речникам, великая стройка на Волге — самое близкое, можно сказать, родное дело, — начал он, немного окая. — Я вот много лет по Волге-то плаваю. Ещё до революции до Октябрьской на пароход поступил, совсем зелёным мальцом. А посмотрели бы вы, ребята, что это был за пароход! Назывался он «Ниагара». Колесо у него было сзади, за кормой, и плюхал он им, ни дать ни взять, как пловец-новичок. Знаете, который ногами так бултыхает, что брызги на версту летят, а толку мало...

Мальчики переглянулись. Валентин усмехнулся Лёше — они сами были такими пловцами, когда учились плавать.

— Вот так, бывало, и «Ниагара», — продолжал штурман, тоже улыбувшись. — Нынче таких пароходов и в помине нет. Да и сама Волга до того изменилась, что как вспомнишь старое — горю-

лишки с колокольнями да лабазами купеческими, нищие деревни, оборванных грузчиков, пустынные молчаливые Жигули, — так диву даёшься! Сам себе кажешься столетним дедом, потому что такую древность помнишь. А разве это древность? Всего каких-нибудь тридцать лет с хвостиком прошло!

Павел Иванович говорил о том, как расцветала жизнь на берегах советской Волги, как речники учились по-новому водить новые суда, возить больше грузов для строек сталинских пятилеток. Слушая его, Лёша видел себя на борту «Витязя», читал вместе со штурманом лоцию Волги, рассчитывал на ходу плоты, чтобы без остановки провести их под мостом. И какие плоты! Если бы один такой — и не самый большой, а средней величины — «плотик» разобрать на брёвна да повезти по сучье, понадобился бы целый десяток железнодорожных составов!

— Но есть у нас до сих пор коварные враги, — сказал Павел Иванович.

Лёша насторожился: что за враги такие?

— Это мели да перекаты, — объяснил штурман. — Много они доставляют нам хлопот! Конечно, мы умеем их обходить, зорко следим за фарватером, научились даже и ночью проводить плоты по самым опасным местам. Но, как говорится, гляди в оба, не зевай!.. Только теперь уж недолго будет пески мешать нашей работе. Через пять лет конец мелям в волжском плёсе!

— Как? Гидростанция и мели уничтожит? — спросил Валентин.

— А как же? Это будет такое сооружение, какого не видывал мир! Оно даст не только электроэнергию, не только воду полям, но и Волгу сделает полноводной. Ведь плотина запрудит реку и будет пропускать из Волжского моря столько воды, сколько надо, чтобы уровень был одинаковый как весной, так и летом, в самый зной. Тогда нам уж не придётся лавировать со своими плотами между бакенами — плыи себе прямо вперёд вольной дорогой, полным ходом! Вот я и говорю поэтому, что новая стройка — наше родное дело...

И Павел Иванович рассказал, как трудятся команды буксирных судов. Навигация почти закончилась, пассажирские пароходы ушли на зимовку в затоны, снег побелил синие горы, шуга идёт, а всё ещё не смолкают на Волге гудки, всё ещё по ночам светятся, движутся на воде жёлтые, зелёные, красные огни. «Будем возить грузы до последней возможности!» — вот как решили работать речники.

Да ведь и то сказать — какие грузы! Тут и новые машины, и строительные материалы, и разборные дома, и оконное стекло, и кровати для строителей. Вот уж подлинно со всей страны, со всех её концов подарки.

— Если бы вы попали в наши цеха, то многому бы подивились...

— И железнодорожники тоже, чего только не возят для стройки! Мне папа рассказывал, — не утерпел Лёша, блестя глазами от возбуждения. — Со всех сторон тоже возят: и с Урала, и с Украины, и из Ленинграда!

— А как же? — опять ответил штурман, кивнув головой. — Такую стройку иначе, как всем народом, не поднимешь!..

Когда Павел Иванович кончил свой рассказ, пожиатый сказал, что теперь выступит Фёдор Куприянович Сиднев, знатный маляр-стахановец. Тут-то Лёша и догадался наконец, где видел второго гостя. Недавно портрет знатного маляра был напечатан в газете. И там же, под портретом, было написано, что товарищ Сиднев ездил в Москву делать доклад о своём новом методе работы. Вспомнив об этом, Лёша только головой покачал — ну и гости у них сегодня знаменитые! — и уселся поудобнее, приготавливаясь слушать ещё один интересный рассказ.

Фёдор Куприянович говорил негромким, глуховатым голосом, изредка коротко покашливая в руку, и даже как будто немного смущался. Он так прямо и сказал, что не привык рассказывать о своей работе, ему легче было бы показать её.

— Может, вы бывали в новом посёлке Мастеров? — спросил он пионеров. Некоторые закива-

ли в ответ. — Видали, какие там дома? Подходящие, правда? Со всеми удобствами, с балконами. И улицы там теперь асфальтированные и фонари на столбах — ну, город и город. В квартирах живут рабочие семьи. И весь этот посёлок вырос за одно лето! Немало поработали каменщики, плотники, штукатуры. Ну, и мы не последняя сница в колеснице: без маляров тоже ни один дом не строится. Наше дело — наводить красоту в домах. Ничего у нас дело, подходящее, верно?

Все в зале дружно и весело захлопали в ладоши, а Лёша под шумок успел условиться с Валентином в первый же выходной съездить в посёлок Мастеров. Они даже не знали до сих пор, что есть такой!

— Вот подумаешь, какая от твоего труда польза и радость людям, — продолжал Фёдор Куприянович, — и хочется работать всё лучше да лучше. А уж теперь, когда у нас на Волге такая стройка идёт, и вовсе! Ведь там, на гидроузле, новый город заложен. Многие мои товарищи туда уже уехали.

— И вы тоже поедете? — спросил кто-то из мальчиков.

— Обязательно. Только пока мне поручили здесь молодёжь обучать, для того же гидроузла готовить кадры. Недавно мы отправили туда пер-

ую группу выпускников. Ещё человек пятьдесят обучу, да и поеду с ними сам. Тоже буду строить город у Волжского моря!..

Отгребели новые аплодисменты, и вскачь предложил:

— Испросим теперь к костру нашу третью дорогую гостью!

Ребята стали оглядываться: они и не заметили, что кто-то ещё вошёл в зал. Оглянувшись на дверь и Лёша. Дальний конец зала тонул в красноватом полумраке, и трудно было разглядеть, кто это сидит там, у стены, рядом с учителями. Но только этот «кто-то» встал, как Лёша охнул от нежданности. К костру подходила его мама!

Она была в том же коричневом платье, которое надела с утра, с пуховым платком на плечах, как всегда, гладко причёсанная. Вот и лёшины друзья узнали её. Валентин ткнул Лёшу локтем в бок и сделал круглые глаза, укоризненно прсшептал: «Что же ты мне ничего не сказал?».

Лёша нетерпеливо отмахнулся. Он был перажён. «Мама? Мама здесь!..» И вдруг его охватило смущение и какое-то щемящее беспокойство. Он даже съёжился и спрятался за спину Игоря, чтобы не быть на свету. Ему показалось, что ребята переглядываются и спрашивают друг друга: «Это ведь лёшина мать? Чего это она пришла? Какой интерес её слушать?..» У него шевельнулось в душе чувство досады на неё. Что она расскажет, право!

Но краем глаза Лёша всё-таки смотрел на маму. А она спокойно спросила:

— О чём же мне вам рассказать, дорогие?

«Ну вот! — ещё больше испугался Лёша. — Не знает, о чём говорить!» Но мама продолжала:

— Скажите-ка мне сначала, кто-нибудь из вас бывал на нашей фабрике? Никто не бывал? Ну, конечно, я знаю, все вы тут техники, думаете: «Что за работа у швей, крути ручку машинки, и ладно!» Я как-то позвала сына к нам в цех, а он мне говорит: «А что там интересного? Швейная машинка у нас и дома есть»

По залу пробежал лёгкий смех, кто-то из ребят дёрнул Лёшу за рубашку, но он не оглянулся; он всё ещё был растерян.

А мама рассказывала так просто, как будто это не она пришла гостьей к торжественному костру, а все лёшины товарищи пришли к ней домой.

— Если бы вы попали в наши цеха, то многому бы подивились. Ну, представьте себе, — тут она осмотрелась кругом, — представьте себе зал, примерно раза в три больше вот этого. В зале рядами стоят машины, за ними сидят работники в халатах. Только никаких ручек они, конечно, не крутят: зачем крутить, если нажал на педаль, и готово — иголка застрочила. Ты следи, чтобы

шов был ровный, а электричество своё дело исполняет, машина стучит...

Мама придвинулась ближе к костру. Лицо у неё было оживлённое; тёмные глаза, освещённые красным светом, казались ещё темнее и больше. Лёша уже не хмурился; он смотрел на неё с любопытством, как давеча утром из-под одеяла. И другие ребята также не спускали с неё глаз, сидели очень тихо.

— Я тоже уважаю технику, — сказала она. — Допустим, работаешь ты в гладильном отделении. Поняни-ка уют целый рабочий день! Тяжело. Но у нас теперь есть механический уют, он гладит сам, а ты только управляй рычагом. Подумайте, так ведь раз в десять больше делаешь и не устанешь! Есть у нас машины, которые переносят с места на место детали. Машина же и пуговицы пришивает и нитку вдевает в иголку!.. Чем не техника?..

Наклонив голову по своей привычке немного набок, мама некоторое время молча смотрела на мальчиков. Потом спросила:

— А к чему я вам это говорю, как вы думаете? Да к тому, чтобы вы знали и с труде швей. Наша фабрика тоже получает важные заказы от государства. Вот Фёдор Куприянович говорил, что обучает ремесленников для стройки. А в чьих шинелях ходят ремесленники? В наших. Этот заказ мы выполнили раньше срока, — знали, что для строительного училища шьём..

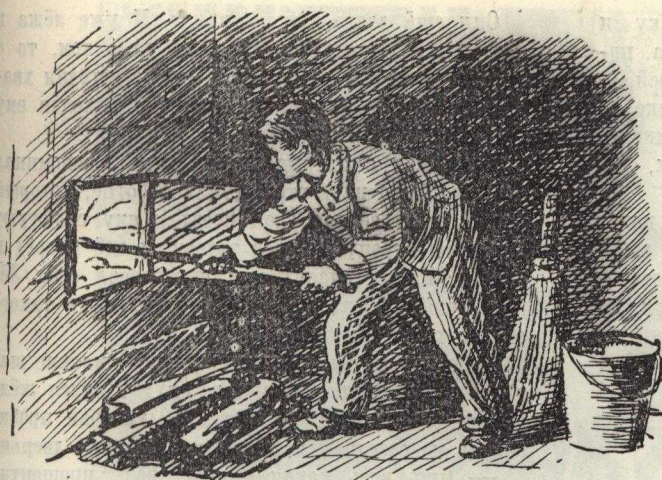
— Екатерина Егоровна, про вас говорят, что вы внесли ценные рационализаторские предложения. Ребятам интересно послушать об этом, расскажите, — попросил Александр Капитонович.

«Рационализаторские предложения!» — повторил про себя Лёша, всё больше удивляясь.

— Можно, — спокойно ответила мама. — Выдали вы, конечно, на шинелях петлицы? Они есть и у ремесленников, и у железнодорожников, и у военных. Кажется, много ли материала идёт на эту деталь? Так себе, узенькая полоска. Но сколько надо таких полосок, скажем, на десять тысяч шинелей? Прикиньте-ка... Солидный выходит метраж. А мы всё думаем, как бы нам материал сэкономить. Вот я и предложила делать часть петлиц из обрезков, что остаются при раскрое, а не из целого куска сукна, как раньше. Экономия получилась большая, много шинелей шьём из сэкономленного материала.

Лёша вспомнил, что он мельком слышал, как мама рассказывала об этом отцу, даже кроила что-то из бумаги и раскладывала по столу бумажные прямоугольники. Значит, это и было рационализаторское предложение? А он-то даже и не знал.

— У нас на фабрике таких рационализаторов, как я, много, — продолжала мама. — Ведь всем

«Скорей, скорей!» — подгонял он огонь в печи...

Ребята стали разглядывать свои ботинки, трогали петельки, оживлённо переговаривались. А мама сказала, что теперь они с технологом думают уже о другом.

Фабрика получила специальный заказ на зимнюю одежду для строителей. Надо, чтобы эта одежда была тёплая, лёгкая, удобная и чтобы скорее была готова. Тут есть над чем потрудиться рационализаторам!..

Первым начал хлопотать в ладоши Павел Иванович, а за ним и все остальные. Мама улыбалась, кивала головой. А штурман спросил её, не у них ли на фабрике шьются шинели для речников.

— У нас, — подтвердила мама.

— Ну, спасибо за то, что так хорошо нас одеваете, — сказал штурман.

«Вот это да, вот это мама!» — думал Лёша. Он чувствовал себя виноватым перед ней. Вспомнил, как она стояла утром с ботинком в руках у его кровати, хотела спросить о чём-то, а он отмахнулся, занятый своими мыслями. Сам-то он побежал потом к Александру Капитоновичу и радовался, что есть с кем посоветоваться. А маме тоже нужен был совет...

И вдруг он вспомнил ещё одно: свою записку, что лежит там, на столе, в холодной комнате... «У нас почётные гости, а ты уж, мама, извини...» Может быть, Лёша даже покраснел при этом, трудно сказать: свет-то в зале был красный.

Что же было ему делать? Неужели допустить, чтобы мама пришла домой и прочитала?

— Споёмте, ребята, — предложил Леонид Юрьевич. — Володя, запевай.

В зале зазвенела песня.

Лёша пробрался потихоньку поближе к маме и шептал ей на ухо:

— Мама, я пойду домой, у меня урок невыученный остался.

Она удивлённо посмотрела на него:

— Как же так? Не успел? Ну, тогда пойдём.

— Нет, нет! Тебе нельзя уходить, ты гостья. Ребята обидятся, они ведь выступать будут. У нас, знаешь, какой концерт задуман! И ещё вам выставку покажут, тоже к нынешнему дню подготовлена. Нет, тебе нельзя уходить!

Мама, видно, не знала, как быть. Но в этот момент Александр Капитонович стал приглашать гостей в физический кабинет.

— Наши юные техники хотят показать вам свои работы. Они тоже мечтают трудиться на пользу Родине. Посмотрите, чему они учатся... Мама взглянула на Лёшу, но он помахал ей рукой и выскользнул из зала...

хочется, чтобы дело шло быстрее да лучше... Сегодня, — она усмехнулась и качнула головой, — сегодня ещё одно моё предложение разбирали, из-за чего я и опоздала к вам. Мне самой смешно, как я до него додумалась.

— Расскажите, — снова попросил Александр Капитонович.

— Вот вы хорошо знаете, — обратилась мама к штурману, — что на плечах у шинели есть отверстия для погон. Замучились у нас девушки на этой работе! Пока эти петельки обметаешь на руках, столько времени уходит, прямо досада берёт! Добро бы ещё какая-нибудь сложная операция, а то ерунда, мелочь... Давно я думала, что бы такое тут сделать? Наверное, и у вас так бывает, мучает и мучает нерешённая задача. Кажется, уж и другим делом занялся, отложил её на время, а она сидит гвоздём в голове и не даёт покоя. Бывает так у вас?

— Бывает, — ответил Валентин и оглянулся на Лёшу. Уж кто-кто, а они-то сами пережили это сегодня со своим вентилятором!

— Ну, и как вы додумались? — спросил чей-то нетерпеливый голос. Мама живо обернулась и радостно ответила:

— Когда чего-нибудь настойчиво ищешь, всегда найдёшь! Вот я и нашла. И, знаете, где? В лёшиных ботинках.

— Где, где?!

— Лёша, покажи ботинки, что у тебя там? — раздалось со всех сторон.

— Догадался, догадался! — закричал Лёша. — Ты в петельки тоже хочешь нитончики вставлять, да?

— Ну да, — засмеялась мама, — правильно! Мы уже попробовали сегодня, гораздо быстрее выходит, чем обмётывать нитками. Это ведь тоже машинкой можно будет делать...

Дома Лёша прежде всего разорвал записку и бросил клочки в печь. Потом он разжёг дрова, поставил чайник на плитку. «Скорей, скорей,— подгонял он огонь в печи и воду в чайнике,— скорей, скорей же!..» А сам прибирал комнату, подметал пол. Что бы ещё сделать?.. Ах, да, окно!

Лёша зашпаклевал тряпкой щель, а когда вскипела вода, заварил клейстер и заклеил щель толстой бумагой. Приложив руку тыльной стороной ладони к этому месту, он долго проверял, не дует ли. Нет, теперь не дуло...

Когда мама вернулась домой, то первым делом спросила:

— Ну как, сделал свой урок?

— Да,— ответил Лёша,— всё сделал...

Потом он всё-таки попенял маме:

— Ишь какая, не говорила мне, что к нам на костёр придёшь!

Она засмеялась:

— А чего же было говорить? Ты нашим «рукоделием» не интересовался.

— Да ну, мама, будет уж тебе! Я ведь не знал...

Они ещё долго разговаривали. И уже лёжа в постели, Лёша спрашивал маму то о том, то о другом, пока она не сказала, что на сегодня хватит, и не закрыла дверь спальни, пожелав ему спокойной ночи.

Он лежал с открытыми глазами, вспоминал всё, что было на костре, думал об отце, который где-то ведёт сейчас свой поезд и ему салютуют семафоры, пропуская без задержки всё вперёд и вперёд. Каким счастливым чувствовал себя Лёша — ещё бы, это ведь не шутка иметь такого отца и такую маму!..

Засыпая, он ещё слышал знакомые мягкие шаги за стеной, тиканье часов, смутно видел жёлтую полоску света на потолке, которая пробивалась из соседней комнаты в щель над дверью.

— Ишь ведь какая,— ещё раз прошептал Лёша в полусне, и сам уже не знал, о чём это он: о маме ли, о фабрике ли её, или, может быть, об этой полоске, похожей на золотую стрелу?..

Скоро и золотая стрела исчезла. Наступил совсем поздний вечер.

Что ж, друзья, и вечер — хорошее время. Особенно, если есть чем вспомнить прошедший день.

М О Я М А М А

Сергей Баруздин

Куранты Кремля над столицей
Пробили двенадцать раз.
Только маме не спится
В этот полночный час.

В Москве, в Крыму, в Ленинграде
Давно уж ребята спят,
А мама читает тетради,
Тетради своих ребят.

Утром в родную школу
Пойдёт она в ранний час.
Встретит её весёлый,
Дружный четвёртый класс.

А сколько её знакомых
В сёлах и городах:
Строители, агрономы,
Врачи, герои труда,

Солдаты в дальнем секрете,
В синих морях моряки.
Это мамины дети,
Мамины ученики.

Звёзды горят над столицей
И светят во все края.
Мне хочется так учиться,
Чтоб стать, как мама моя!

В ДНИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Восемьдесят лет назад между Францией и Германией шла война. Немецкие войска разбили французскую армию и двигались на столицу Франции Париж. Французский народ требовал свержения императора Наполеона III, который втянул народ в войну и привёл страну к поражению.

4 сентября 1870 года во Франции произошла революция. Но к власти пришло не народное правительство, а правительство крупной буржуазии. Это правительство боялось вооружённого народа гораздо сильнее, чем немцев. Оно было готово сдать Париж немцам, лишь бы скорее заключить мир и использовать армию для усмирения революционных рабочих столицы.

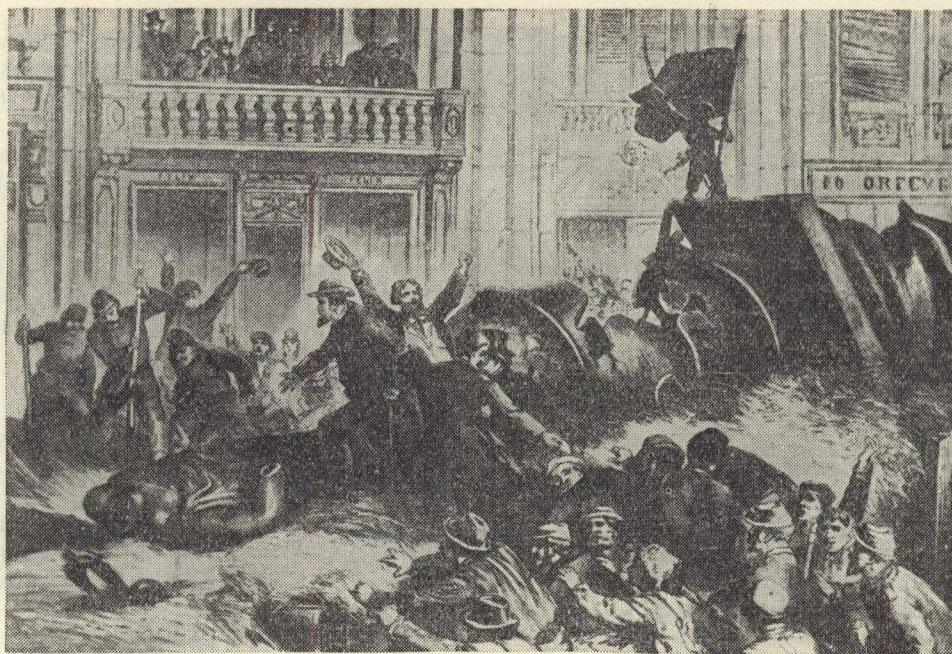
Заключив позорный мир с немцами, буржуазное правительство начало отнимать у парижских рабочих те немногие права, которые они завоевали в дни революции. А чтобы лишить рабочих возможности сопротивляться, правительство решило отнять у рабочих отрядов ружья и пушки, которые они захватили, свергнув Наполеона III.

Но парижские рабочие и беднейшие ремесленники не захотели отдавать капиталистам своё оружие. 18 марта 1871 года они восстали и взяли власть в свои руки. Так возникла Парижская Коммуна — первое в истории правительство рабочего класса.

Парижская Коммуна просуществовала всего семьдесят два дня. За этот короткий срок рабочее правительство приняло много законов, направленных к тому, чтобы улучшить жизнь трудящихся. Рабочие стали сами управлять фабриками и мастерскими. Хозяевам домов было запрещено выселять бедняков из квартир. Впервые рабочие могли найти защиту в судах. Открылись новые школы для ребят.

Здесь помещены рисунки художников того времени, изображающие дни Парижской Коммуны.

На первом рисунке вы видите начало восстания — день 18 марта 1871 года. Парижане захватывают на холме Монмартр пушки, которые правительство капиталистов уже готовило для расстрела рабочих.

Верхний рисунок изображает разрушение Вандомской колонны, воздвигнутой Наполеоном I в честь его завоевательных войн. Парижские рабочие уничтожили этот памятник порабощения народов Европы.

Буржуазное правительство, во главе которого стоял заклятый враг народа — Тьер, начало войну против восставшего

Парижа. В конце мая контрреволюционные войска проникли в город. Рабочие героически боролись за каждую улицу, но у них не было военного опыта, нехватало умелых командиров. Рушились одна за другой под залпами пушек воздвигнутые парижанами баррикады. На нижнем рисунке изображено сражение у одной из последних баррикад.

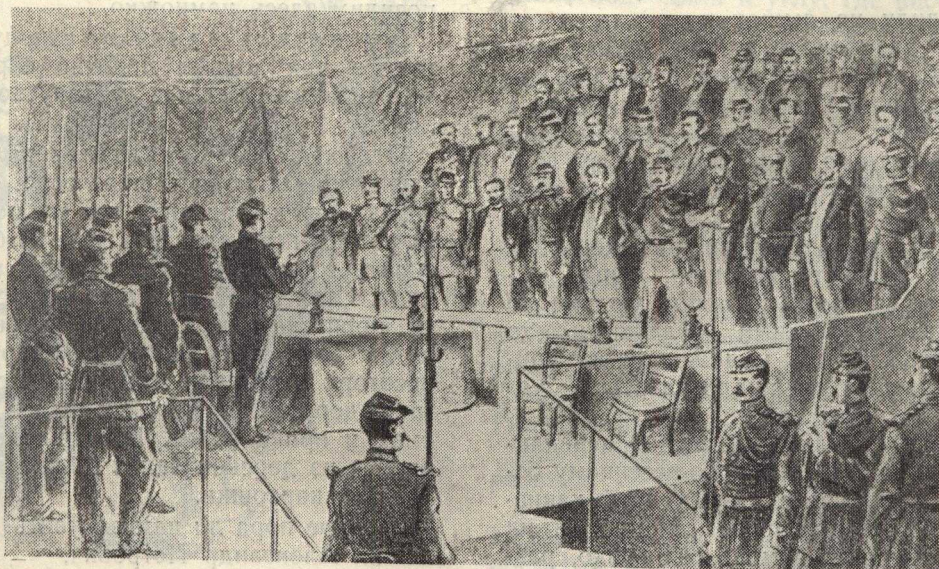

А затем началась расправа с восставшим народом. Вы видите на верхнем рисунке, как офицер осматривает руки арестованных рабочих. Если он обнаружит на ладонях следы пороха, пленника расстреляют, будь он даже старик или мальчик.

Тех коммунаров, которые не погибли в боях, судили военные суды. На нижнем

рисунке изображён такой суд. Отсюда было только два пути — на смерть или на каторгу. Так жестоко отомстила французская буржуазия участникам Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна была разгромлена, но подвиг рабочих Парижа навсегда остался в памяти трудящихся всего мира.

НА ГУМНЕ

Рассказ Г. Скребицкого

Рисунки Евг. Васильева

Весь день мы с Александром Петровичем бродили на лыжах по лесам и овражкам, разыскивая зайцев. Цель охоты у каждого из нас была своя: мне хотелось выследить и застрелить русака, а мой приятель — художник — желал просто побродить со мною по зимнему лесу и сделать интересные зарисовки в свой альбом.

Наша охота удалась вполне. День выдался на редкость хороший, ясный, тихий, не слишком холодный. Солнце то скрывалось за лёгкими облачками, то вновь показывалось и даже слегка пригревало, так что начинало казаться, будто уже наступают весна.

В ветвях старых елей звонко перекликались синицы, и совсем по-весеннему бегали по снегу возле старых пней какие-то тонконогие комарики. Значит, и их пригрело неяркое зимнее солнышко, разбудило и выманило на часок — другой из

уютных зимних квартир под древесной корою.

Мы с товарищем брели не спеша, разглядывая на снегу следы зверьков и птиц. Мы присаживались на пенёк, приятель вынимал свой альбом и делал набросок какого-нибудь усыпанного снегом дерева или быстро зарисовывал дятла, долбившего шишку в своей «кузнице».

Наконец уже под вечер посчастливилось и мне. У самой лесной опушки из-под куста выскочил матёрый русак и, приложив уши, помчался прочь. Я выстрелил, и заяц, перекувыркнувшись, остался на месте.

— Здорово! — крикнул приятель. — Пожди, не трогай, дай я его вот так и зарисую.

Александр Петрович сделал зарисовку, я подвязал зайца на ремень, и мы направились к деревне, где собирались переночевать.

Мы быстро пересекли поле и очутились на просторном деревенском гумне.

— Ну, вот и пришли, — сказал я. — А не хочется так рано в дом идти, давай-ка посидим здесь немножко.

Мы подошли к ржаному скирду. После целого дня ходьбы приятно сбросить с ног тяжёлые лыжи и растянуться на соломе.

Отдыхая, мы поглядывали вдаль, на заснеженные поля и перелески. Солнце спускалось к горизонту, и в его последних лучах всё поле казалось уже не белым, а золотисто-розовым, будто тихая вечерняя вода. Стая галок, переговариваясь на лету, пронеслась над полем и уселась на вёты замёрзшего пруда. За прудом по кособору виднелись утонувшие в снегу домики деревни. Оттуда слышался весёлый смех и крики ребят. Потянул ветерок и принёс из деревни запах дымка и тёплой печёной картошки.

— А не пора ли нам закусить? — предложил Александр Петрович.

Я тоже почувствовал, что пора, и уже

собрался вставать, как вдруг приятель схватил меня за рукав.

— Тише, тише... — зашептал он и кивком головы указал направо.

Я оглянулся. По полю из ближайшего овражка прямо к нам на гумно бежала целая стайка каких-то птиц. Они были тёмносерые, толстенькие, похожие на крупных, уже подросших цыплят. Птицы бежали гуськом, одна за другой, и были хорошо видны на чистом снегу.

— Куропатки! — сразу узнали мы и замерли в ожидании.

Птицы добрались до гумна и, как домашние куры, разбрелись по нему. Они бегали по дорожкам, склёвывая насоренные зёрнышки. Некоторые подбежали к нам совсем близко, так что можно было разглядеть каждое перышко. Мы боялись пошевелиться, чтобы не потревожить этих чудесных полевых курочек, которых зимняя бескормица заставила, забыв всякую осторожность, искать еды возле жилья человека.

Уже село солнце и начало смеркаться, когда куропатки, видимо, насытившись, так же гуськом, одна за другой, направились с гумна обратно к овражку.

Мы тоже встали и пошли в деревню.

— Да, такая зима — для куропаток гибель, — сказал мой приятель, — им ведь нужно из-под снега еду добывать, а разве такой снег

лапками раскопаешь? Вот и жмутся, бедняги, к деревне, к гумну.

— Только и здесь им несдобровать, — ответил я. — Как ребята заметят, всех переловят.

— Это верно, — с грустью согласился Александр Петрович, — а жаль. Сколько бы выводков от одной этой стаи развелось!.. Ты всё-таки в деревне никому не рассказывай, что мы их здесь видели, — добавил он. — Может, как-нибудь и уцелеют.

Придя в деревню, мы зашли ночевать к нашему старому знакомому, бригадиру колхоза.

Иван Васильевич сразу засуетился.

— Ах, батюшки мои, гости пришли, а жена у меня сегодня на скотном дворе дежурит! Чем же я вас угощать-то буду?

— Давай, дядя Ваня, вместе хозяйничать, — весело ответил Александр Петрович.

Мы разделись и быстро взялись за дело. Не прошло и получаса, как на столе уже кипел самовар, мы закусывали и пили чай с душистым липовым мёдом.

А тем временем сынишка Ивана Васильевича уже успел рассказать своим товарищам, что к ним пришли охотники и принесли убитого зайца.

И вот в нашу комнату, конфузливо оглядываясь, один за другим начали пробираться красноносые, раздумавшиеся от катания с горы мальчуганы. Они осторожно подходили к углу, где висели мои охотничьи доспехи, и переговаривались между собой, разглядывая ружьё, патронташ и убитого зайца.

— Покажи-ка им, что ты нарисовал, — попросил я приятеля.

Он охотно согласился. Мы убрали со стола посуду, и Александр Петрович разложил свои рисунки. Ребятишки обступили стол и с восхищением начали всё разглядывать.

— Ну, прямо, как живой, даже перышки видно! — восторгались одни, рассматривая дятла.

— А ты глянь-ка: заяц-то какой! Так и уткнулся в снег! — кричали другие.

Мы отошли в сторону, чтобы не мешать ребятам.

— Ну и мастер рисовать! — блестя от восторга глазами, воскликнул высокий черноглазый мальчуган, показывая своему товарищу рисунок синички. — Вот бы его

Ребята разглядывали ружьё, патронташ и зайца.

к нам на гумно сводить...— мальчуган не договорил и осёкся.

Самый старший из ребят, степенный паренёк, строго посмотрел на говорившего и тихо сказал:

— Ведь сказано было молчать. Перебьют всех — вот и конец.

Я толкнул Александра Петровича:

— Слышал? Ведь это они про куропаток.

Тот кивнул головой и подошёл к столу:

— Ну, ребяташки, нравится, как я рисую?

— Очень нравится, — отозвались все разом.

— А нет ли у вас чего-нибудь интересного, что бы мне нарисовать? Может, птицы какие-нибудь здесь водятся?

— Какие у нас здесь птицы... — усмехнулся старший паренёк. — Одни галки да вороны летают.

— А мы вот с охоты через гумно шли, там на снегу много птичьих следов видели.

Ребята тревожно переглянулись.

— Наверное, вороны и наследили, — быстро отозвался маленький курносый мальчуган.

— Нет, ребята, у вороны след не такой, — вмешался я, — это будто куры бродили, только следы поменьше.

— А может, и куры, — равнодушно ответил старший, — мы ведь не знаем... Ну, посмотрелись, — обратился он к товарищам, — теперь айда на пруд кататься.

— Подожди-ка, — сказал я. Достал из кармана свой билет «Общества охраны природы» и передал парнишке.

Тот прочитал и вопросительно взглянул на меня.

— Мы ведь знаем, что зимой этих птиц стрелять нельзя, — сказал я. — Не бойтесь, мы их не тронем. А вы-то знаете, что это за птицы?

Паренёк доверчиво поглядел на меня и усмехнулся:

— Конечно, знаем, — куропатки. Пото-му и молчали, боялись: ну-ка вы их переколотите. А мы их на гумне нарочно подкармливаем. У нас при школе кружок юннатов есть, мы ведь тоже за охрану природы боремся.

— Ну вот, значит, вместе и будем охранять, — сказал мой приятель. — А я вашему кружку альбом зимующих птиц нарисую, хотите?

— Конечно, хотим! — радостно отозвались ребята.

Все снова расселись, и мы проговорили до самой ночи. Ребята рассказывали нам, как работает их кружок и как они теперь, в зимнюю пору, подкармливают различных птиц.

Наутро мы с приятелем опять пошли за зайцами и у околицы встретили знакомых ребят. Они спешили в школу в соседнее село.

— Наших не побейте! — весело крикнули они нам.

— Не побьём, не бойтесь, — так же весело отозвались мы.

Мы смотрели вслед уходящим мальчуганам, и нам было радостно, но и немножко стыдно, что вчера на гумне мы так дурно думали о них.

Нет, наши ребята не такие.

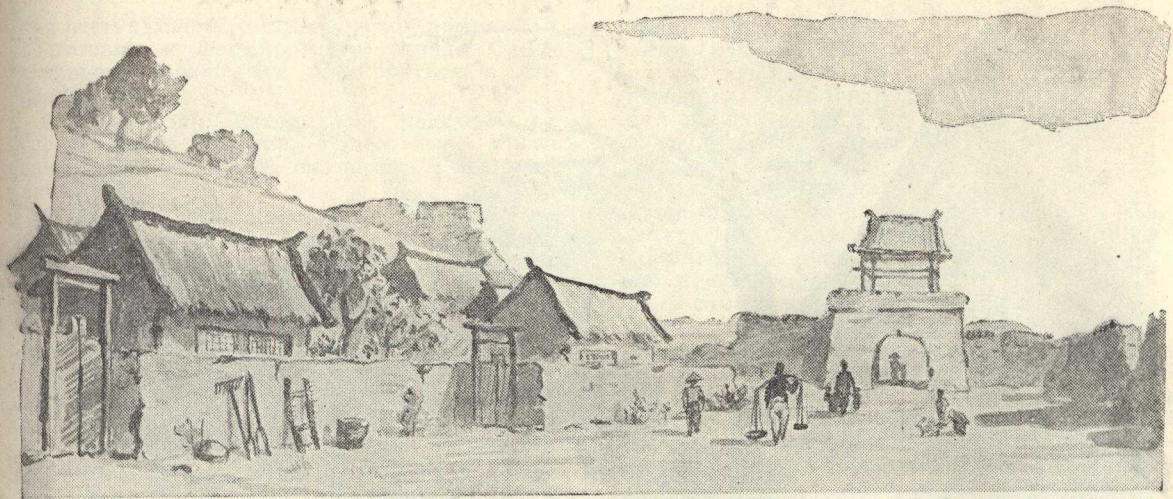

ВСТРЕЧА В. И. ЛЕНИНА И И. В. СТАЛИНА В РАЗЛИВЕ.

П. Розин.

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

(Продолжение)

Олеся Кравець

Перевод с украинского Анны Кравченко

Рисунки П. Кирпичёва

Син-старший

Син-старший не поднимал над Лицзяном знамя¹. Люди сами шли к нему.

Син-старший пришёл с Севера.

Была зима. Холодный ветер нёс мокрый снег с дождём, в клочья разрывал тучи, до блеска вылизывал обледевшие дороги. На ветвях деревьев намерзали толстые пласты льда, ветви ломались под огромной его тяжестью.

Кончался последний серый день «месяца пса» — ноября.

Вечерело. По улице Лицзяна, согнувшись под дождём, шёл человек в насквозь промокшем синем ватнике. На обувь его налипла грязь, с меховой шапки на лицо струйками стекала вода.

В одном из дворов человек заметил мальчика, который набирал хворост для топки кана, и быстрыми шагами направился к нему.

— Подожди, мальчик, — негромко окликнул он.

Шао Яню понравилось немолодое лицо незнакомца, глаза, окружённые сеточкой тонких лучистых морщинок, бледные, обветренные губы.

— Ты, верно, знаешь, где тут живёт бабушка Гуан? — спросил прохожий.

От удивления Шао Янь едва не выронил хворост. «Уж не отец ли это?» — промелькнула у мальчика мысль.

— А зачем вам бабушка Гуан? — спросил Шао дрожащим от волнения голосом.

— Она моя знакомая... Я хотел остановиться у неё на ночлег, — ответил прохожий.

— Ой, — обрадовался Шао Янь, — пойдёмте скорее! Это моя бабушка. Она очень обрадуется.

Человек не спешил.

— Тише, — сказал он. — Там у вас нет... никого постороннего?.. Соседей или...

— Никого, никого нет! Я и бабушка. У нас тепло! Я так натопаю, что...

Человек улыбнулся. На усах его таяли снежинки.

Вошли в фанзу. Бабушка удивлённо посмотрела на Шао Яня и на гостя.

— Бабушка, я привёл вашего знакомого!

Бабушка Гуан поднялась с своего места и подошла к гостю.

— Здравствуйте, — поздоровался тот. — Я к вам от вашего сына...

Бабушка заволновалась, велела Шао Яню подать гостю отцовский тапушан², подбросить в кан побольше дровишек, разогреть гаолянскую похлёбку.

— Куда же ты идёшь, добрый человек, в такую погоду? — приговаривала она. — Далеко ты идёшь?

— Я уже почти пришёл, — сказал гость. — Может быть, и останусь в Лицзяне. Не знаю ещё... может быть...

Он переоделся, сбросил мокрую обувь, разложил на кане промокшую одежду и с наслаждением пил из миски жиденькую горячую похлёбку.

— Ох, кажется, никогда не ел ничего вкуснее!

А бабушка горевала:

— Знали бы, что такой гость придёт, сварил бы чего-нибудь повкуснее! Хотите, я вам кашу сварю?

¹ По старинным обычаям, в Китае над местом сбора армии поднималось знамя полководца.

² Тапушан — род рубахи.

— У нас в фанзе тепло. Я так натоплю, что...

Бабушка Гуан быстро дошила новую пару тапочек и поставила их перед гостем:

— Надевайте, согрейте ноги!

Поев, гость зажёл трубку, отставил миску на другой конец столика и заговорил:

— Я хотел бы поговорить с вами, бабушка... наедине...

— Говорите, говорите, — закивала бабушка головой.

— А мальчик, — гость посмотрел в сторону Шао Яня, — ничего?

— Да что вы, добрый гость, — бабушка Гуан обняла Шао Яня за плечи, — это всё равно, что я сама... Шао всё знает и умеет молчать... Мы с ним всегда вдвоём. У нас всё вместе!

— Я, бабушка, пришёл к вам издалека. С Севера пришёл, — заговорил гость. — Никто не должен знать, кто я такой и зачем тут

живу. Я видел вашего сына и ваших внуков. Не волнуйтесь за них, они живы, здоровы и скоро будут дома. Ваш сын сказал: «Там живёт моя мать, она примет тебя, как родного». Я буду где-нибудь в селе работать... Вот и всё. А ты, мальчик, — обратился он к Шао Яню, — ты помни, что твой отец и твои братья бьются за правду. Никто, даже самые близкие твои товарищи не должны знать, кто я. Для всех я буду... — гость, помолчал, что-то обдумывая, — для всех я буду бабушкин племянник.

Бабушка кивнула в знак согласия головой. С того дня, последнего дня в ноябре 1948 года, незнакомец остался в Лицзяне.

Это был Син-старший. Син-старший был послан партией для организации партизанского движения на пу-

тях отступающей гоминдановской армии. Для подготовки и формирования отряда Синустаршему предложили остановиться в Лицзяне.

Село Лицзян находилось недалеко от городов Чо и Даньяна, в нём было много бедноты, много семей, связанных с Восьмой армией.

В Лицзяне необходимо было найти крестьян, которым Син мог бы доверить дело организации отряда. Это было не так просто. Межи, разделявшие землю на маленькие клочки, отделяли друг от друга и людей. Каждый видел только тот кусок неба, который отражался в воде его рисового поля. Нужда, бедность, недостатки не давали людям расправить плечи, поднять голову. Гоминдановцы приучали людей никому не верить, всего остерегаться. Нужно было говорить с каждым отдельно, искать и находить ключи к сердцу каждого крестьянина, каждого батрака...

Син-старший родился в сампане¹. Его родители, не имея собственной земли, странствовали по воде в поисках случайного заработка. Точно сквозь сон, помнил Син-старший широкие разливы реки Сицзян, на которой он вырос, не зная даже, что такое земля. До шести лет мальчик не ступал на твёрдую землю. Под его ногами всегда колыхалось днище утлой посуды. Он помнил запах рыбы, заплесневелой воды, покрытой рясой, паруса лёгких рыбацких лодок, все в заплатках, как и рубашки рыбаков, холодные рассветы на окутанной туманом реке, когда мать завертывала детей во всё тряпье, имевшееся в лодке, чтобы они не замёрзли, розовые закаты, когда солнце будто таяло, погружаясь в воды Сицзяна.

Мальчику было шесть лет, когда заболел отец. Сампан стоял тогда вблизи небольшого города. Городец раскинулся на равнине, в полдень его обволакивала седая дымка пыли, по вечерам в стоявшем на берегу старом буддийском храме звенели колокола.

Отец заболел вскоре после того, как сампан пристал к берегу. Это была страшная болезнь — холера, повальная эпидемия, от которой в те годы погибло немало людей.

Отец умирал, не имея сил сказать своим детям хоть слово на прощанье. Серебряными бёстками играли волны на реке, бился в парусах лодок свежий ветер, кружили, черкая воду крыльями, белогрудые чайки...

Отец умер. Два чужих парня унесли застывшее тело отца. Мать, простоволосая, бледная, побежала за ними. Дети остались в сампане. Тогда впервые в жизни Син вышел на берег. Непривычным ногам казалось, что земля колыхается под ними, но сознание того, что можно шагать по безграничной земле, что не мешают двигаться просмолённые борта лодки, наполнило ребячье сердце горячей радостью.

Возвратившись, мать сказала, что тело отца сожгли. На всю жизнь осталось у Сина воспоминание об ужасной смерти дорогого человека. Мать, плача, рассказывала детям, что ей не позволили даже похоронить мужа по-

человечески, не позволили, как полагалось по обычаю, сжечь над умершим хоть пару фольговых коней, не дали умершему полежать те семь дней, в которые, по поверию, душа его должна была оставаться в теле.

Почти до двадцати лет носил Син на груди, у самого сердца, зашитый в маленький мешочек прах: после похорон мужа мать Сина украдкой пробралась на то место, где сжигали тела умерших от холеры, и взяла там горсть пепла. Она дала каждому из детей по три щепотки пепла и приказала им носить прах отца до её смерти. «Когда умру, — сказала мать, — принесите каждый на мою могилу эту частичку отцовской души, потому что верная жена должна быть похоронена вместе со своим мужем...»

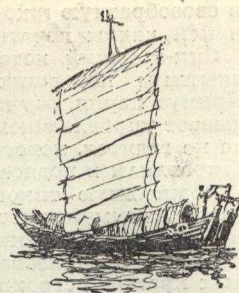
С этого времени шестилетний мальчик стал старшим мужчиной в семье. С шести лет его стали называть Син-старший.

Тяжёлым трудом зарабатывал Син-старший свою сухую гаоляновую кашу. Мальчиком он подавал рабочим материал на постройке дамбы, был батраком, водовозом, сортировал на шахте уголь, работал на железной дороге, был кули и рикшей. Заработка его еле-еле хватало на жизнь. Мать вынуждена была продать младшую дочь на чайные плантации, и напрасно потом Син-старший разыскивал сестру.

Наконец Син поступил в типографию мистера Хиппа в Нанкине. Был уборщиком, курьером, учился самоучкой, потом стал учеником-наборщиком. Син мёрз, голодал, работал за троих, но встречал интересных людей, учился понимать и думать.

В типографии Син-старший впервые услышал о коммунистах. И понял, что его жизнь не будет иметь никакого смысла без учения, без борьбы, без цели — освободить свой народ.

Тёмными осенними ночами, когда с низко нависшего над землёй неба лились на город холодные дождевые потоки, когда полноводная Янцзы разливалась до самого горизонта, широкая, как море, и на окраинных улицах Нанкина слышен был глухой рокот её ленистых волн, после тяжёлой многочасовой работы рабочие типографии мистера Хиппа, владельца шахт и нефтяного концерна «Хипп, Симмитс энд Майтелз компани», при тусклом, неровном свете свечей учили иероглифы. Син-старший был учителем. На средства коммунистической подпольной организации рабочие типографии отправили Сина в частную школу. Два раза в неделю он посещал её и по ночам передавал свои знания товарищам. Всё, чему он научился, должны были знать и они. Люди учились украдкой, прячась от надсмотрщиков, жертвуя короткими часами отдыха. Настоячивое желание учиться помогало побеждать нужду и усталость. Преследования и наказания никого не пугали.

¹ Сампан — лёгкая рыбацкая лодка.

Типография мистера Хиппа превратилась в своеобразную школу: коммунисты готовили в ней кадры печатников-подпольщиков.

Син-старший, который в то время уже был опытным наборщиком, нанимал учеников. Примут парня, обучат, и Син-старший докладывает управляющему: заболел ученик, куда не годится, нового нанять нужно. А парня отправляли в подполье.

Подпольную типографию, в которой печатались коммунистические газеты, произведения Ленина, Сталина и Мао Цзе-дуна, Син-старший организовал в одном из пригородных храмов, устроив одного из типографских рабочих готовить монахам еду. Храм был огромный, с заброшенными просторными подземными помещениями. Только старые, расстректавшиеся изображения богов были свидетелями работы печатников.

В 1941 году Син снова увидел реку Сицзян: партия доверила ему организацию и воспитание кадров в том самом городке, где умер когда-то его отец. Звенели в храме колокольцы; над городом, как и в былые времена, поднималась туманная серая мгла, так же кружили над ним белокрылые речные чайки, а в маленькой фанзе на краю тихой улочки Син-старший принимал и записывал сводки Советского Информбюро о положении под Москвой и Сталинградом. Он и его друзья, мечтающие о дне победы над фашистами, говорили: «Когда Советский Союз победит, когда наши советские друзья выгонят врагов, тогда в Москве будет утро, а у нас, в Китае, будет виден отсвет его».

А потом была встреча с Мао Цзе-дуном. Они беседовали. Навсегда запомнил Син-старший прекрасное, спокойное лицо человека, труды которого он тайно печатал в типографии мистера Хиппа и помогал распространять среди бойцов, человека, который научил Сина-старшего быть самим собой, а не рабом, его вдумчивый взгляд, крепкое рукопожатие и слова:

— Мы ещё встретимся с вами, Син-старший!

Снова шли годы опасной подпольной работы в самых больших городах страны, под самым носом у гоминдановцев и японцев. В 1948 году Син-старший получил новое важное поручение — организовать партизанский отряд в районе Даньяна и Чо.

Обстановка в Лицзяне, куда пришёл с Севера Син-старший, была не так проста и спокойна, как казалось на первый взгляд. Сельский староста хорошо знал, из каких семей ушли в Народно-освободительную армию сыновья, братья, отцы. Село разделилось на два лагеря: всеильную, но малочисленную кучку гоминдановских ставленников (староста, богачи) и большую группу коммунистически настроенных людей.

Син-старший нанялся батраком к Чену. Нужно было познакомиться с людьми, сблизиться с ними, разобраться в них и завоевать их доверие. Работы Син-старший не боялся. И Чен не мог нахвалиться новым работником. Жил Син-старший у бабушки Гуан и считался её племянником. Самым лучшим другом и помощником Сина-старшего стал Шао Янь.

Весной, когда легло в землю посеянное зер-

но, Чен отпустил Сина-старшего в город Даньян «поблизиться с семьёй». Син-старший установил связь с нужными ему людьми. Здесь, в Даньяне, он впервые увидел товарища И Лина, который должен был возглавить партизанские соединения и для руководства работой выезжал в местечко Чо под именем купца Го Син-сю. Тут же, в Даньяне, Син-старший познакомился и со своим соседом по работе, молодым коммунистом Гао из села Ханьпу. Отряды Лицзяна и Ханьпу должны были, соединившись с партизанами ещё нескольких сёл, выполнить важное поручение генерального штаба Народно-освободительной армии.

Гао и Син-старший, которым в дальнейшем нужно было действовать сообща, распределили между собой обязанности и условились о встрече в день возвращения Гао из Даньяна в Ханьпу. Если всё будет в порядке, Син-старший должен будет подать сигнал — показать Гао незажжённую трубку.

Через Гао наладилась связь с И Лином. В Лицзяне дважды в неделю появлялись теперь листовки и сводки о действиях Народно-освободительной армии.

Гао уже три года был связан с коммунистами. В его родной деревне все считали, что он просто уехал в частную школу учиться. А Гао распространял листовки в деревнях, привозил политическую литературу, выполнял поручения, для успеха которых требовалась сообразительность, молодость и сила. Два года Гао действительно учился в школе, но, конечно, его старый отец не смог бы один оплатить его учёбу. Гао помогали товарищи-подпольщики. Они же помогли его отцу, разорившемуся бедняку-крестьянину, завести небольшую торговлю — это дало возможность устанавливать связь между деревнями. Теперь Гао поручили вернуться в Ханьпу. В деревне возвращение Гао объяснили окончанием школы.

В день своего возвращения в Ханьпу Гао, увидев спокойное, уверенное лицо Сина-старшего, понял, что вернулся во-время. В предстоящей открытой борьбе Сину-старшему нужна была помощь Гао.

Син-старший больше не работал у Чена. После посещения Даньяна он перешёл на нелегальное положение. «Племянник бабушки Гуан» жил теперь в небольшом лесу, в десяти ли от Лицзяна. Люди уже знали его, верили ему, и он каждого из лицзянцев знал, как родного брата. В Лицзян Син-старший наведывался в сумерки, когда никого из сельских властей не было на улицах села.

Со дня на день партизаны ждали сигнала к выступлению. В лесу в укромном месте прятали оружие, занимались политграмотой и просто грамотой.

В последнее время, когда казалось, что ветер, и тот на своих крыльях приносит вести о решающих событиях на Севере, когда неуловимый Шао Янь с Ли Енем и Сю Ли наклеивали листовки и сводки даже на стены ченовской усадьбы, люди каждый вечер собирались в лесу на склоне холма и их становилось всё больше и больше.

Вступили в отряд батраки Чена, братья Чжао И-шу и Чжао Та-шу. Вступил в отряд молодой рабочий Лю и ещё много хороших и надёжных людей.

Син-старший не поднял над Лицзяном флаг — «Здесь набирают войско». Люди сами шли к нему...

* * *

Побывав в Ханьпу, Син-старший вечером возвратился в Лицзян, за дворками он добрался до жилища бабушки Гуан. Через заклеенное бумагой оконце пробивался слабый свет коптилки. Син-старший перелез через забор и остановился у дверей. Из фанзы слышен был голос бабушки Гуан.

Син-старший тихо поднял лёгкую старенькую занавеску и вошёл.

В фанзе было полутемно, мигала коптилка. На кане, прижавшись друг к другу, сидели дети. Бабушка Гуан поднялась навстречу гостю. В платье с большой заплаткой на плечах, с узелком седых волос, закрученных на затылке, она напоминала ему мать. Шао Янь и Сю Ли радостно бросились к Сину-старшему, и он почувствовал себя дома, среди родных.

— Шао Янь, — сказал Син-старший, снимая ватник, — ты не забыл, что завтра нужно идти в Чо на базар?

Мальчик кивнул головой:

— Не забыл... Пойду... — Он помолчал и спросил тише: — К Го Син-сю зайти?

— Да, — ответил Син-старший, — зайди. Поздоровайся, как всегда... Возьми, если он захочет что-нибудь передать мне.

Сю Ли и Ень ушли. Бабушка Гуан приготовила Сину-старшему поест, вытерла руки и снова села за свою работу.

— Бывают же на свете такие добрые люди, как этот ваш купец, — сказала она. — И рису вам передал и пшена нет-нет да пришлёт...

— Мы с ним, бабушка, выросли на одной реке, — пояснил Син-старший.

— Верно, верно, вы ведь рассказывали, как спасли ему жизнь, но купцы — народ скупой, а у вашего хорошее, мягкое сердце...

— На той неделе в Ханьпу соберутся все, — обращаясь к Шао Яню, тихонько сказал Син-старший.

— Что? — переспросила бабушка Гуан.

— Ничего, это я так, бабушка...

Некоторое время бабушка Гуан и Син-старший смотрели друг другу в глаза. Взгляд у Сина-старшего был спокойный и утомлённый, бабушкины глаза глядели с укором.

— Скажите мне, что это такое? — спросила бабушка Гуан.

— Я всё вижу, Син-старший, — проговорила Гуан, — всё вижу... Но не всё понимаю... Слушай-ка, Шао Янь, и вы тоже, Син-старший, я хотела показать вам...

Бабушка Гуан подошла к полочке, осторожно достала завернутый в тряпочку листок бумаги. Она расправила его на своей шершавой ладони и подала Сину-старшему.

— Скажите мне, что это такое? — спросила бабушка Гуан шёпотом.

Шао Янь подошёл ближе к лампочке. Перед ним была листовка с карикатурой на Чан Кай-ши.

Син-старший прищурил глаза, всматриваясь в карикатуру, как будто видел листовку впервые в жизни. Шао Янь посмотрел на него и озабоченно покачал головой.

— Зачем это вы, бабушка, сорвали? Если староста узнает... — сказал Син-старший.

— Зачем я сорвала листочек? Я знать хочу, всё знать хочу!.. У меня сын и внуки воют. Скажи мне, Син-старший, всё скажи, — настойчиво потребовала бабушка Гуан.

Голос бабушки Гуан дрожал от волнения. Син-старший на мгновение задумался. Так поступила бы и его мать.

Как рассказать ей, старенькой матери, великую правду? Как говорить с теми, которые соберутся в Ханьпу на собрание?

Син-старший вспомнил слова Мао Цзедунa. Мао сказал ему на прощанье: «Помните, Син-старший, всё, что вы будете говорить людям, старайтесь говорить как можно проще и яснее. Помните о том, что каждое слово должно быть широко распахнутыми воротами в мысль, а не высокой каменной стеной, через которую простому человеку трудно перелезть!»

Цзун-Цзунгу

Оставив фанзу бабушки Гуан, Цзун-Цзунгу быстро перебежала улицу и оглянулась. Вокруг никого не было, оконце фанзы бабушки Гуан светилось сквозь тонкую бумагу. За Цзун-Цзунгу никто не шёл. Никто не заметил её побега. Девочка прислушалась. Вокруг было тихо, тихо.

Высоко в небе мерцали звёзды. С полей тянуло прохладой, запахом влажной земли, нагретой за день щедрым южным солнцем.

Село спало. Девочка, держась поближе к заборам, дошла до последней фанзы, снова остановилась и, пригнувшись, чтобы быть

совсем незаметной, перебежала на дорожку. Кто и когда научил её такой осторожности, такой осмоторительности?

Почувствовав под ногами чуть тёплые камни дорожки, Цзун-Цзунгу побежала что было сил. Дальше, дальше от Лицзяна!

Девочка не думала о том, что будет, если она не успеет до рассвета возвратиться в Лицзян; ей хотелось только одного: добежать до матери, до отца, рассказать им о первом дне жизни у чужих людей, рассказать, как обидел её надсмотрщик. Рассечённая страшной плёткой щека болела, и боль эта наполняла глаза девочки слезами жгучей обиды. Долго бежала Цзун-Цзунгу, а потом, когда закололо в боку, пошла потихоньку, держась за бок рукой. Изредка она останавливалась, чтобы нагнуться к рисовому полю, зачерпнуть горсточку мутной, рыжей воды и вытереть мокрыми ладонями вспотевшее лицо...

Когда ей показалось, что она уж далеко от Лицзяна, Цзун-Цзунгу села отдохнуть на край каменной дорожки, опустив ноги в воду рисового поля. Шелестел гаоляновыми листьями ветерок, слышался голос какой-то ночной птички, булькала вода. «А что если в Лицзяне уже заметили, что меня нет?» — подумала вдруг Цзун-Цзунгу. Она представила себе разъярённого надсмотрщика и торопливо пошла дальше.

Ещё несколько раз она садилась, снова поднималась и шла. За ней широким половодьем разливался на небе рассвет; чем дальше, тем становилось холоднее. Однообразные, изрезанные межами, лежали крестьянские земли.

Это были, очевидно, носильщики, которые шли в Чо на базар.

Лёгкий ветер морщил воду на рисовых полях, клонил книзу тонкие, слабые стебли; серая туманная мгла поднималась с полей, и серые длинные пряди облаков спускались навстречу ей с ночного неба. Глубокая тишина царила вокруг...

И вдруг Цзун-Цзунгу совсем ясно услышала голоса.

Кто-то шёл по дорожке.

Девочка застыла на месте, стараясь понять, с какой стороны идут люди. «Это за мной, за мной! Догоняют!» Голоса доносились всё явственнее. Цзун-Цзунгу замечалась, как испуганная птичка. «Бежать!» — мелькнула мысль, но девочка сразу же поняла, что если она побежит, преследователи увидят её. «Спрятаться?» Цзун-Цзунгу бросилась вправо, но её остановили широкие острые листья гаоляна: если бежать по гаолянному полю, её услышат. Гаолян будет шелестеть...

Шаги приближались.

Шло много людей. Кто они? Куда идут? Верно, с ними и надсмотрщик!

Осторожно, бесшумно девочка вошла в воду рисового поля. Тихо-тихо, чтобы не плеснула под ногами вода, она пошла в сторону от дорожки к противоположному краю маленького поля, где темнела межа между затопленными полями.

Люди шли гуськом, один за другим, громко разговаривая между собой. Цзун-Цзунгу хотела перейти межу и спрятаться за нею, но не успела. Люди были уже совсем близко. Цзун-Цзунгу присела в воду. Платье её сразу намочило. «Сейчас заметят, сейчас заметят!» — с тревогой думала Цзун-Цзунгу. — «Если бы можно было нырнуть, спрятаться с головой!» Она боялась пошевелиться, боялась вздохнуть.

— Можно купить в Чо...

— В Чо дешевле...

Цзун-Цзунгу услышала обрывки разговора. Теперь, когда люди приблизились, девочка могла их рассмотреть. Они шли медленно, неся на коромыслах большие плетёные корзины. Некоторые несли мешки. Это была не погоня. Это были, наверное, помещичьи носильщики, которые шли в Чо на базар. Цзун-Цзунгу даже показалось, что среди них она видит Шао Яня. У последнего из носильщиков, самого маленького, на голове была широкополая большая шляпа, а штаны были подвёрнуты точь-в-точь, как у Шао. Как и все другие, он нёс на коромысле две корзины. Цзун-Цзунгу хотела было подняться и окликнуть мальчика, но побоялась.

Когда стихли шаги и голоса носильщиков, Цзун-Цзунгу поднялась и направилась к дорожке.

Рассвет быстро отвоёвывал у ночи землю. Девочка задумалась: идти дальше или вернуться? Эти люди говорили о Чо? Они идут в Чо или возвращаются оттуда? Вероятно, они идут на базар, тогда, значит, Цзун-Цзунгу всю ночь шла в противоположную сторону от Ханьпу?!

Цзун-Цзунгу повернула назад. Прошла несколько шагов и остановилась. Если надсмотрщик узнал, что её не было ночью на месте, он забудет её насмерть. Он отнимет у отца землю! «Вздумай только убежать, мы всё равно поймем тебя, а землю у отца отни-

мем и его самого пошлём в рудники!» — вспомнила она страшные слова надсмотрщика.

Как могла, как посмела Цзун-Цзунгу забыть эту угрозу? Как могла Цзун-Цзунгу думать только о себе? А мать, а отец? А вся семья? Цзун-Цзунгу

ведь пошла к помещику отбавывать долг, судьба семьи зависела от неё, от того, как она будет работать. И вот что случилось!

Цзун-Цзунгу вскрикнула, и собственный крик испугал её ещё больше. Девочка изво всех сил бросилась бежать к Лицзяну.

Она бежала, не останавливаясь, вне себя от горя и страха, бежала долго, пока у неё не перехватило дыхание. Цзун-Цзунгу нагнулась к воде, но голова у неё закружилась и девочка чуть не упала. Когда она немного отдышалась, присев на корточки, ей вдруг показалось, что она идёт совсем не в сторону Лицзяна. Цзун-Цзунгу не могла теперь наверное сказать, откуда она шла. Всё смешалось в её памяти, она не могла сообразить даже того, с какой стороны и куда шли виденные ею ночью люди.

Она сидела на дорожке, мокрой от росы, в мокром платице. Мысли, одна ужаснее другой, разрывали её маленькое сердце. Что будет, когда у отца заберут землю? Что будет, если его ушлют в рудники?

Девочка растерянно смотрела на пламенеющий восток, не в силах подняться и не зная, куда идти. Наконец она решила идти навстречу солнцу. Если она не придёт в Лицзян, то, по крайней мере, выйдет к какому-нибудь селу и расспросит, какой дорогой можно вернуться в поместье Чена.

Цзун-Цзунгу не плакала, у неё не было слёз. За эту страшную ночь она выросла, возмужала. Это уже была не та девочка, которую отец вчера вёл по дорожке к помещику. Измученное личико Цзун-Цзунгу с глубоко запавшими тёмными глазами и крепко сомкнутыми губами было решительно и сурово: от того, успеет ли она вернуться в Лицзян, зависела судьба всей семьи Чжан Го-туна.

Солнце, огромное, огненно-красное, медленно поднималось, отражаясь в воде рисовых полей, освещая каждую травинку, каждый стебель молодых ростков риса. В его свете зарделась каменная дорожка. Пряди золотого сияния протянулись по небу, нанизывая на себя лёгкие небольшие облачка, которые с ночи ещё не успели рассеяться. Песня жаворонка пронеслась над полем ввышину, к золотым лучам, к сияющей бесконечной голубизне.

Дорожка поднялась на холм. Перед Цзун-Цзунгу раскинулись поля. Под золотым небом лежали полоски гречихи, проса, пшеницы, а на горизонте темнели строения, поднимались к небу загнутые углы крыш. За ними пламенили далёкие горы.

Цзун-Цзунгу не знала, Лицзян это или другое село. Дорога казалась ей бесконечно длинной, село как будто отодвигалось от

Цзун-Цзунгу. Девочка не замечала, что идёт всё медленнее и медленнее.

Скоро Цзун-Цзунгу увидела, что от села навстречу ей идут люди, но она больше не страшилась погони. Люди приближались. Девочка уже могла рассмотреть того, кто шёл впереди. Это был крестьянин в соломенной шляпе, поля которой закрывали его лицо. Он был в траурной одежде — в белых штанах и белой рубашке. За ним шла женщина, за нею — два молодых крестьянских парня, повидимому, два брата: они были очень похожи друг на друга, крепкие, жилистые, в одинаковых зелёных куртках и чёрных, подвёрнутых до колен штанах.

Цзун-Цзунгу подумала, что эти люди идут на базар, и решила расспросить о дороге. Но скоро она увидела, что они ничего не несут с собой на продажу. За крестьянами шли носильщики, неся паланкин на плечах. Вся эта группа была уже совсем близко от девочки, но тут человек, одетый в белую траурную одежду, свернул с дорожки в поле. «Верно, на работу идут», — подумала Цзун-Цзунгу и, тоже свернув с дорожки, пошла наперерез крестьянам.

Чем ближе подходила девочка, тем удивительней и непонятней казалось ей то, что она видит.

Крестьяне остановились. Носильщики опустили на землю паланкин. Занавески его раздвинулись, и из паланкина с трудом выбрался толстый человек в синей шёлковой одежде. На голове у него была старинная красная шёлковая шапочка с двумя золочёными шариками, толстое лицо блестело, как глазированный горшок. Чен! Цзун-Цзунгу едва не вскрикнула.

Чен поправил рукава одежды и, достав из глубокого кармана маленький шёлковый платочек, вытер им лицо. Потом он что-то быстро сказал и, взяв у одного из сопровождавших его людей большой блестящий нож, медленно прошёл на середину поля. Это был небольшой клочок земли. Несколькими шагами можно было вымерить длину и ширину крестьянской полоски. Но кто, какой мерой мог бы измерить крестьянский труд, вложенный в эту землю, всю перебранную руками, просеянную сквозь мозолистые пальцы, чёрные и потрескавшиеся. Кто мог бы сосчитать выбранные из этой земли камни, лежащие сейчас на межах?

Тонкие стебли пшеницы были по колено Чену. Он высоко поднял правую руку, — блеснул нож.

Ничего не понимая, Цзун-Цзунгу взглянула на крестьян. Человек в белой рубашке горестно смотрел на свою землю. Женщина плакала, вытирая глаза ребром ладони. Носильщики, принесшие паланкин, вздыхали, бессильно опустив руки.

Помещик трижды громко проговорил какое-то слово, медленно нагнулся и вырвал из земли несколько стеблей пшеницы. Женщина вскрикнула и запричитала, закрыв ладонями мокрое от слёз лицо.

Помещик отбросил стебли в сторону и стал вытаптывать пшеницу вокруг себя. Как тяжёлая бочка, передвигался он с одного конца поля до другого, приминая ногами пшеницу: стебли её неохотно гнулись до земли, под-

нимались, словно не желая гибнуть, но помещик снова и снова наступал на них. Потом он высоко поднял руку над головой и медленно, медленно начал опускаться. Холодным огнём поблескивало на утреннем солнце лезвие ножа. Помещик нагнулся и вонзил нож в землю...

— Зарезал землю, — со стоном тихо проговорил крестьянин в белом и, как перед покойником, снял шляпу.

Женщина беззвучно плакала. По её щекам неудержимыми ручьями бежали слёзы.

Цзун-Цзунгу дрожала. Она поняла теперь всё. Зарезали землю! Землю зарезали! Сколько раз говорили об этом между собой мать и отец! Как боялись они, что и для них когда-нибудь наступит такая минута.

Цзун-Цзунгу знала об этом страшном старинном обычае, который помещики применяли, пользуясь темнотой и неграмотностью крестьян, чтобы окончательно запугать их, держать в полной зависимости. Так повелось с давних времён. Когда крестьяне брали в долг у помещика и не могли ни уплатить ему, ни отработать долг, помещик приходил на крестьянское поле и «убивал землю» в знак того, что отныне поле для крестьянина погибло, умерло, что оно принадлежит ему, помещику.

— Какая земля! — плача, сказала женщина. — Какая земля! Вотки в неё сухую веточку — завтра уже дерево вырастет! Яичко положи — завтра цыплёнок вылупится!

— Зарезал, — горько повторил крестьянин в белом и, словно убедившись, что землю уже ни вернуть, ни воскресить нельзя, надел шляпу и, опустив голову, пошёл прочь.

— Ван Сян! — окликнул его один из носильщиков. — Ван Сян, подожди!

Но крестьянин, не поворачивая головы, шагнул по меже к дорожке. Его жена, плача и что-то горько приговаривая, пошла за ним. Помещик сел в паланкин и велел нести себя обратно в село.

Сияло солнце. С звонким щебетаньем низко над хлебами кружили, догоняя друг друга, юркие, счастливые ласточки. Шелестели молодые стебли пшеницы. А рядом, вытоптанная ногами помещика, израненная и мёртвая, лежала полоска земли Ван Сяна. Нож остался в ней на три дня, как следовало по обычаю.

Когда Цзун-Цзунгу вслед за Ван Сяном и его женой вернулась в Лицзян, надсмотрщик уже спрашивал у Сю Ли, куда девалась девочка из Ханьпу. Цзун-Цзунгу миновала двор бабушки Гуан, прошла через всё село к поместью Чена и остановилась перед большими воротами. Ворота были закрыты: в поместье искали беглянку.

Цзун-Цзунгу постучала и без сил опустилась на землю.

Ей было всё равно, что с нею будет. Она знала: отца теперь не тронут.

Дом на главной улице

А тем временем со всех окрестных сёл собирались крестьяне в Чо, на базар. Там, где река Чо, круто поворачивая на запад, разлилась по низине, стоит, как на полуострове, с трёх сторон омытый её чистыми водами город Чо.

Пять дорожек, как пять лучей, с разных сторон стекаются прямо к базарной площади. Продать, купить, выменять, наняться на работу, узнать новости, встретиться с однополчанином, с которым не виделись много лет, — самые различные намерения приводят людей в Чо. Одного гонит туда горькая доля, другого — тоска, третьего — желание хоть что-нибудь заработать, а иногда и заработанная уже копейка: где её можно истратить так, как в Чо?

Многочисленные торговцы, перекупщики, маклеры продадут вам и купят у вас всё что угодно. Старого осла, паланкин самого императора, японскую пушку, американский табак, поношенные штаны, тапочки, опиевшую массу, рис, ситец — всё это вы сможете купить в Чо, если найдется в вашей фанзе для этого деньги.

На тонких бамбуковых жердях были развешены разноцветные, сплетённые из соломы веера, фонарики, ленты, на цыновках, разостланных прямо на земле, торговцы расставили игрушечных мышей, петушков, мячики. Длинные ряды расположились лоточники с кунжутными пряниками и рассыпчатыми жирными коржиками.

Над торжищем крики, шум, грохот. Каждый расхваливает свой товар, покупателей останавливают, ловят за полы халатов, за рукава. Покупатель на базаре, где продавцов больше, чем покупателей, — важная особа. Перед ним заискивают, его приглашают.

Чжан Го-тун пробирался через толпу к рисовому ряду. Изредка его останавливали, спрашивали, сколько он просит за свой товар, иногда он сам останавливался, приценивался к пёстроному ситцу, новым тапочкам, вздыхал и шёл дальше.

Чжан Го-тун принёс на продажу немного риса. Он долго колебался — как урвать его у голодной семьи? — но вспоминал, что придёт зима, а им всем не во что одеться. Всего имущества в фанзе Чжан Го-туна было две цыновки, одна рубашка, которую он носил, и старое платье жены — тапушан, — в холодные ночи им укрывали младших детей. Тапушан был подбит ватой, но вата уже слежалась и плохо согревала. Необходимо было что-нибудь купить до наступления холодов.

Чжан Го-тун присмотрел себе место: с одной стороны торговал рисом молодой паренёк, с другой — стоял пожилой человек с угрюмым лицом. Паренёк приветливо улыбнулся:

— Становитесь, становитесь, дядя. Ваш по-

Помещик высоко поднял правую руку — блеснул нож.

купатель у меня не купит, а своего я к вам и на шаг не подпущу.

Чжан Го-тун сбросил с плеча мешок и стал ждать. Чжан Го-тун, как и многие другие крестьяне, верил в то, что каждый товар имеет своего покупателя и если товар не удаётся продать, то только потому, что покупатель по какой-либо причине не смог прийти на базар.

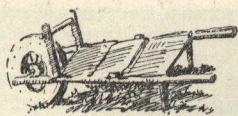
«Боже, — думал Чжан Го-тун, — сделай так, чтобы у моего покупателя сегодня всё было хорошо, сделай так, чтобы у него сегодня были деньги!»

Паренёк, стоявший рядом с Чжан Го-туном, зазывал покупателей:

— Сюда, сюда! Покупайте рис, самый лучший рис!

После того, как Чжан Го-тун отвёл Цзун-Цзунгу к Чену, он ни за что не мог взяться: всюду ему мерещилась дочка. Он пошёл в поле, но вернулся с полдороги: чтобы спасти это поле, Цзун-Цзунгу вынуждена была покинуть родную фанзу. Он начинал вместе с женой перебирать рис, и слёзы застилали ему глаза: ещё вчера руки Цзун-Цзунгу делали эту работу! Он брал на руки маленького сына Чжан Го-бо и сейчас же вспоминал, как Цзун-Цзунгу носила мальчика, как, чтобы позабавить его, показывала ему на стене тень ушастого ослика, цокала языком, подражая цокоту копыт...

Чжан Го-тун взял рис для продажи и пошёл в город. Ему хотелось хоть немного забыть о своём горе, хотелось узнать у людей

новости, расспросить о наступлении армии Мао Цзе-дуна. Чжан Го-тун тайл в сердце надежду, что скоро вернётся в Ханьпу его сын.

Чжан Го-тун поднимался на цыпочки, стараясь увидеть в толпе кого-нибудь из знакомых, но знакомых не было.

— Кого это вы высматриваете? — спросил молодой паренёк, стоявший рядом. — Верно, кого-нибудь из родственников?

— Знакомых ищущу, — ответил Чжан Го-тун и внимательно посмотрел на соседа. Лицо у паренёка было приятное, открытое. Чтобы завязать разговор, Чжан Го-тун спросил: — Вы из какого села?

— Из Лицзяна, — охотно ответил паренёк. — Меня зовут Лю.

— Лю из Лицзяна! — чуть не вскрикнул Чжан Го-тун. — Вы из Лицзяна? Знаете ли вы Чена? Я вчера отвёл к нему свою дочку...

— Ченов рис, — вместо ответа указал на свой товар Лю.

— Ченов!.. — Чжан Го-тун смотрел на рис помещика, того самого, у которого работала теперь его маленькая Цзун-Цзунгу. Рис был самого лучшего качества, чистый, белый.

Лю смотрел на Чжан Го-туна и, понимая его горе и тревогу, сочувственно цокал языком.

— Тц, ай-яй-яй!.. А я носильщиком у него, — сказал он после некоторого молчания, как бы оправдываясь.

— Не слышали, — спросил, помолчав, Чжан Го-тун, — что теперь на свете делается? Я уже давно не был в городе, ничего не знаю...

— Мобилизация, говорят, — Лю кивком головы указал на ближайшую к ним стену лавки. — Видели, сколько приказов наклеплено?

Паренёк приблизился к Чжан Го-туну и сказал ему на ухо:

— Говорят люди: гоминдановцы бегут... Видели: новая часть вступила сегодня в город. Народная Восьмая армия уже близко, говорят люди!..

Чжан Го-тун посмотрел на собеседника и покачал головой:

— Что же теперь будет? Если бы знать, может быть, лучше не продавать бы рис, а спрятать на всякий случай.

— Мажут колёса! — вдруг вмешался в разговор старик с хмурым лицом. Как он услышал, о чём разговаривали Чжан Го-тун и Лю? Вступать в беседу с ним ни Чжан Го-туну, ни Лю не хотелось. Лю пожал плечами, отвернулся и опять стал зазывать покупателей:

— Отборный рис! Перебранный рис! Сюда, сюда, покупайте!

Чжан Го-тун снова начал смотреть, не видно ли кого-нибудь из знакомых. Только теперь он заметил наклепленные на стенах домов и лавок приказы. Крестьяне собирались около них небольшими группами и слушали чтецов.

— Эй, — закричал вдруг Лю, — Шао Янь!

Через толпу к нему пробился мальчик в соломенной шляпе.

— О, Лю! — радостно воскликнул Шао Янь. — А я тебя искал. Я уже продал! В лавочку занёс, а ты стоишь...

— Сегодня моя очередь продавать дорожж. Чжан Го-тун знал, что означают эти слова: носильщики приходили с помещичьим рисом в город и должны были сдавать рис в лавку, с хозяином которой у помещика был договор. Но изредка, когда помещика с ними не было, носильщики ухитрялись продавать рис сами по более высокой цене и разницу брали себе. Делать так можно было только одному из носильщиков. Сегодня была очередь Лю.

— У меня шестнадцать душ есть просят, — как бы оправдываясь, сказал он.

Шао Янь потоптался возле своего односельчанина и сказал:

— Лю, я ещё похожу немного, пока ты продашь рис, и вместе пойдём домой. Хорошо? Он поправил свою шляпу и мгновенно исчез в толпе.

— Из нашего села. Работяга мальчик, — глядя вслед Шао Яню, сказал Лю.

Шао Янь поспешно пробирался между рядами. На плече у него была небольшая подушечка, как у настоящего носильщика. Рис в город приходилось носить в огромных корзинах; чтобы коромысло не резало плечо, под него подкладывали такую подушечку.

Мальчик пробирался через толпу к выходу с базара. Ещё никогда не чувствовал он такой тревоги, как в этот раз. Ему частенько приходилось бывать в городе, выполняя поручения Сина-старшего, но сегодня здесь было как-то особенно беспокойно. Мальчик узнал, что в город пришла новая гоминдановская часть. Больше стало расклеенных повсюду приказов.

Подвесив между лавками толстую проволоку, фокусник в пёстром халате готовился ходить по ней. Шао Янь остановился было посмотреть, но вспомнил, что нужно спешить, и ускорил шаг.

Он вышел на широкую главную улицу. Тут было тише, шум базара доносился сюда приглушённый, ослабленный расстоянием, как рёв далёкой горной реки. По обе стороны улицы стояли за покрашенными деревянными заборами невысокие домики; иногда ворота были открыты, и тогда виден был двор совсем такой, как в селе. Здесь тоже росли олеандры и яблони. Резвились малыши, сох-ло бельё.

В городе были гоминдановцы.

Зоркий глаз мальчика видел в узеньких переулочках много новых машин, укрытых маскировочным брезентом. Возле них стояли и сидели солдаты, измученные далёкими переходами, запylённые и, видимо, голодные. Они раскладывали прямо на улицах костры, собираясь готовить себе обед. К коновязям были привязаны лошади, их караулили вооружённые часовые. Поперёк улицы стоял запylённый офицерский «виллис», и шофёр, лёжа под ним, устранял какую-то неисправность.

Шао Янь, внимательно приглядываясь ко всему, дошёл до нужного ему двора.

Убедившись, что никто за ним не следит, он вошёл в ворота. У дверей дома сидела с шитьём в руках молодая женщина. Домик был опрятный, старательно обмазанный жёлтой глиной. Крытая новой черепицей крыша свидетельствовала о заботливом и зажиточном хозяине. Если бы мальчик умел читать,

он прочитал бы надпись над воротами: «Этот дом принадлежит и вечно будет принадлежать славному, богатому и умнейшему из купцов Го Син-сю».

Под окном дома стоял распряжённый старый, облезлый мул и лениво тянул из одноколёсной тележки свежую зелёную траву.

— Вы уже ели сегодня? — вежливо обратился к женщине Шао Янь.

— А, Шао! — подняв голову, радостно приветствовала она мальчика. — Отчего ты так поздно? Я уже думала, что ты совсем не придёшь. Входи, входи! У нас уже есть гости! — она указала рукой на старого мула, который, как бы понимая, что речь идёт о нём, прижал уши к голове и закрыл глаза.

Шао Янь улыбнулся.

— Шао! — послышался из дома мужской голос. — Входи, мальчик! Очень хорошо, что ты пришёл.

Когда Шао Янь вошёл в дом, женщина поднялась, закрыла за ним дверь и, внимательно оглядевшись, снова села.

Вдруг послышались крики, топот, брань, и во двор бежал гоминдановец. Испуганная женщина бросилась было к двери, но, поняв причину появления гоминдановца, спокойно осталась на своём месте, — солдат гнался за гусями. Два гуся, удирая, вбежали на двор Го Син-сю. Солдат с длинным прутот, преследуя их, ругался:

— Чтобы вы пропали ещё маленькими!

Женщина улыбнулась:

— Если бы они погибли маленькими, за кем бы ты теперь гонялся?

Солдат посмотрел на неё, как будто только теперь заметив её присутствие, вытер рукавом вспотевший лоб и, хитро прищутив глаз, спросил:

— А что у тебя есть на приправу? Может быть, петрушка или хвостик моркови?

Женщина покачала головой:

— Уходи, добрый человек. Купец дома. — И глазами показала на закрытую дверь. Её уже начал беспокоить шумный гоминдановский вояка.

Солдат оглянулся, втянул голову в плечи и быстро отошёл от дверей.

— Что ж, пойдём искать приправу в другое место! Но-но, слушаться меня!

Гоня перед собой недовольно гогочущих гусей, он вышел на улицу.

Женщина свободно вздохнула. Дверь распахнулась, выглянула Шао Янь:

— Можно идти? Тут как будто бы кто-то чужой был?

— Нет, это ничего, — улыбнулась женщина. — гоминдановец просил морковки...

— Ухожу, — сказал мальчик. — Бабушка ждёт меня... и девочка там у нас пропала... работница. Верно. домой убежала.

Шао Янь попрощался, поправил шляпу и спокойно вышел со двора. На плече у мальчика попрежнему была подушечка, но теперь она была значительно больше, чем раньше. Незаметным движением Шао Янь поправлял её и зорко поглядывал вокруг: он нёс в Лицзян новые листовки и записку Сину-старшему от товарища И Лина. Передавая мальчику записку, И Лин сказал: «Спрячь хорошо, Шао Янь, передай Сину в собственные руки. Это — очень ответственное дело. Если что-нибудь случится дорогой — записку сумеи уничтожить. Никому, кроме Сина, мальчик...»

Когда Шао Янь был уже почти у базарной площади, в тот самый двор, над воротами которого была надпись «принадлежит и будет принадлежать Го Син-сю», свернули паланкинщики, неся на плечах обитый дорогими шёлковыми тканями паланкин. Женщина, увидев их, поднялась и, низко поклонившись, пригласила:

— Пожалуйста, ясноводный Ден Ши-фу...

Носильщики опустили свою ношу, и из паланкина не спеша выбрался худой невысокого роста человек в нарядной шёлковой одежде, на голове у него была мягкая серая европейская шляпа, на ногах туфли из зелёного сукна, подшитые кожей.

Когда за ясноводным Ден Ши-фу закрылись двери, женщина усмехнулась и обратилась к одному из паланкинщиков с добродушным в крупных оспинках лицом:

— Какой вы молодец, Цой, что так вовремя приехали! — вполголоса сказала она. — Здравствуйте, Ли! — женщина поклонилась другому паланкинщику, крепкому седоусому мужчине в такой же широкой куртке, как и у Цоя.

Цой снял соломенную шляпу и, приглаживая рукою вспотевшую голову, кивнул в сторону, где около обгрызанной коновязи жевал траву облезлый, старый мул.

— Гао приехал?

— Гао! Гао! И связной от Сина-старшего только что был тут! — прошептала женщина. Глаза её сияли сдержанной радостью.

— Кажется, началось! — весело проговорил Цой.

(Продолжение в следующем номере.)

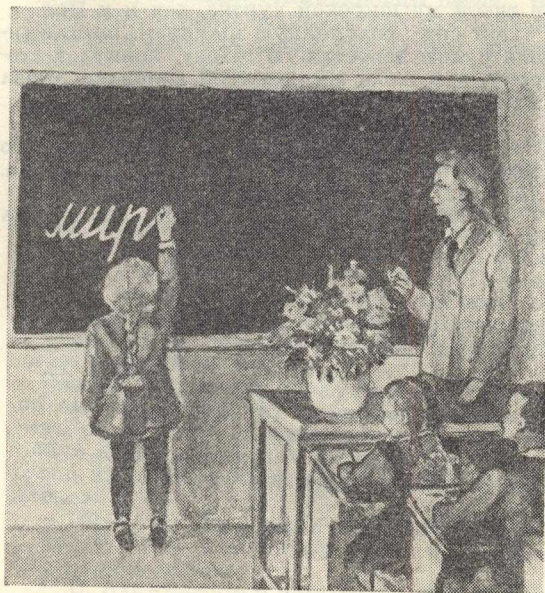
Каждый день на берегу Луары
В час, когда рассвет едва вставал,
Голубя на зданьи префектуры
Смелый невидимка рисовал.

Не на тихих улицах предместий,
Где стоят домишки в тишине,—
В городе, на самом видном месте,
Голубь появлялся на стене.

Кто это осмелился на зданье
Светлый символ мира рисовать!
Получают сыщики задание
Дерзкого художника поймать.

Патрули во тьму глядят сурово.
Сыщики в засаде, в стороне.
А под утро голубь реет снова
Под окном префекта на стене.

Как-то ночью тень к стене прильнула...
Мел в руках. Ни звука. Темнота.
И в руке шпика из агентуры
Тоненькая, детская рука.

«ПЕРВОЕ СЛОВО». Рисунок Наташи Мадоровой.
5-я Всесоюзная выставка детского творчества.

В комнате префекта в свете люстры,
Без смущенья глядя пред собой,
Он стоит. Малыш, мальчишка шустрый
С поднятою гордо головой.

Да, он рисовал! Ему хотелось,
Чтобы люди города его
Помнили своё большое дело,
Чтобы не боялись ничего.

Кто учил его! Слышал от взрослых:
Голубь — это значит впереди
Солнца свет, кремлёвских башен звёзды,
Это новой Франции пути!

Это значит — пусть сердца смелее,
Словно птицы, реют в синеве,
Долетят к трибунам Мавзолея,
Повстречают Сталина в Москве...

Так мальчишка в старенькой одежде
Говорил, сжимая мел в руке,
И глаза, сверкавшие надеждой,
Видели свободу вдалеке.

Свёл префект свои расчёты мести.
Мальчуган безмолвно умирал...
И на утро на обычном месте
Крыльев голубок не подымал.

Но префект изволил ошибиться:
Через день, когда вставал рассвет,
Голубь вновь летел свободной птицей,
Мелом нарисован на стене.

Господин префект ошибся горько:
В сёлах, в городах и городках
Нас миллионы, выдержанных, стойких,
С легкокрылым голубем в руках.

Инна Каспарова,

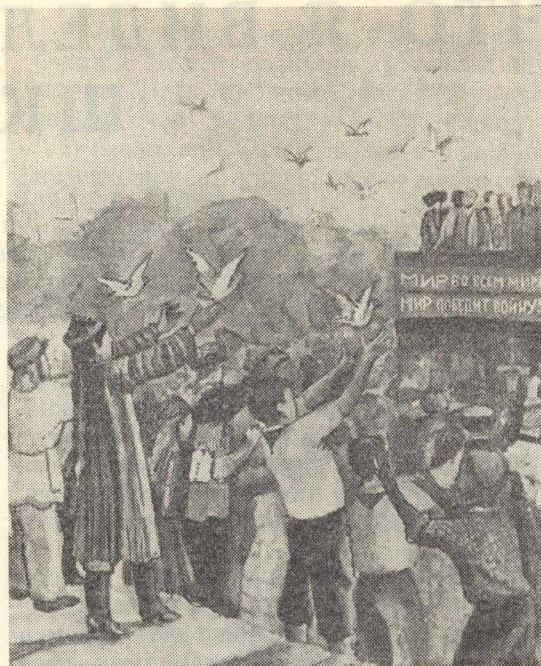
ученица 8-го класса 422-й школы

черные шторы

Роясь
В чулане просторном
Средь старых тетрадей
И жёлтых газет,
Нашёл я
Чёрные шторы,
Шторы военных лет.
Я вспомнил
Военное время

И наш
Затемнённый город,
И как я
Вместе со всеми
Окно занавешивал шторой.
Сейчас,
Когда вечер становится ближе
И город
К ночи готов,
Столицу я
Светлую вижу
И свет
Из окон домов.
Мой многоглазый город!
Столица
Моей земли!
Не верю,
Чтоб снова
Шторы
Одеть на тебя могли.
Светлые окна
Мы не позволим
Чёрною шторой закрыть.
Это народа
Советского
Воля,
А если народ сказал «не позволим!» -
Значит, тому и быть.

Олег Агранян,
ученик 8-го класса 57-й школы

«ГОЛУБИ МИРА». Рисунок Киры Стуканова.
5-я Всесоюзная выставка детского творчества.

ДЕВОЧКА ТАНЯ

Промчалась в венке по аллее,
Стоит у реки босиком.
На девочке майка белеет,
Как эти ромашки кругом.

Но детское личико полно
Какой-то тревоги, забот,
Всё смотрит и смотрит на волны,
И в памяти мама встаёт.

И вспомнился город у моря,
Где были десятки боёв,
И мама с морщинками горя,
Убитая мама её.

И вздрогнула девочка Таня:
— Нет! Больше не будет войны!
Ведь подпись свою под воззванием
Поставить все люди должны.

Светлана Чернова,
ученица 6-го класса 328-й школы

Эта песня летит от Кремля.
Слышат люди её на Памире
И в далёкой таёжной Сибири,
Слышат степи, леса и поля,
Вся Советская наша земля
Слышит звонкую песню о мире!

В этой песне поётся о том,
Что народы Советской страны
Не хотят смертоносной войны.
В этой песне мы громко поём,

Как мы строим, творим, создаём,
Как счастливо, прекрасно живём.

Всё, что сделано нашим трудом,
Мы врагу разрушать не дадим
И поэтому мира хотим.
Пусть же слышат в горах, на Памире,
Пусть же слышат в далёкой Сибири
Эту громкую песню о мире!

Наташа Рязанцева,
ученица 6-го класса 327-й школы

ЧТО Я ВИДЕЛ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

Недавно в Советский Союз приезжала делегация трудящихся Бельгии. Среди делегатов был молодой учитель средней школы Мариус Сервранкс. Перед отъездом он рассказал, как живут и учатся бельгийские дети, как резко отличается их жизнь от жизни советских детей. Вот что рассказал Мариус Сервранкс.

В Советской стране я пробыл три недели. Я был на заводах, фабриках, в колхозах, был в домах пионеров, в школах, в детских клубах. Встречи с советскими людьми и всё, что я видел в вашей стране, произвело на меня неизгладимое впечатление.

Я учитель, и меня больше всего поразило, что в Советской стране учатся все дети. У нас, в Бельгии, тоже есть закон о всеобщем обучении. Но на самом деле очень много бедных детей в Бельгии не имеют возможности учиться.

Наши школы плохо оборудованы, потому что правительство Бельгии о них почти не заботится и отпускает на народное образование очень скудные средства.

Когда я учился в школе (а с тех пор мало что изменилось), на всю нашу школу, в которой занималось 600—700 мальчиков, был только один микроскоп. За шесть лет моего обучения в школе я ви-

дел микроскоп всего два раза. Это был торжественный момент, когда наш преподаватель бережно приносил в класс плохонький микроскоп, ставил его на свой стол и говорил: «Вот, мальчики, смотрите на этот замечательный аппарат, с помощью которого учёные могут наблюдать вещи, невидимые простым глазом». Но надо сказать, что мне до шестнадцати лет так и не пришлось посмотреть в микроскоп. Больше повезло мне с вольтметром, потому что мой отец, электротехник, показывал мне его, в школе же вольтметра совсем не было. Поэтому вообразите моё удивление, когда в кабинете биологии обыкновенной московской школы я увидел 20—25 настоящих лабораторных микроскопов, а в физическом кабинете столько же вольтметров. Не удивительно, что советские дети учатся гораздо лучше, чем у нас: прекрасные лаборатории, кабинеты, наглядные пособия помогают детям полу-

Бельгийский учитель Мариус Сервранкс в Центральном детском театре во время антракта.

чить глубокие, устойчивые знания. Больше 90% советских школьников учатся успешно. А в Бельгии успевающих меньше 60%.

Я беседовал со многими школьниками и многим из них задавал вопрос: «Кем ты будешь?» И всегда получал уверенный и твердый ответ: «Буду врачом», «Буду летчиком», «Буду агрономом» и т. д. Эта уверенность советских детей в своём будущем поразила меня. Разве может бельгийский школьник мечтать о той или иной профессии? У него нет выбора.

Большинство наших детей бросает учёбу в 12 лет. Эти дети могут стать только чернорабочими. Правда, некоторым удаётся проучиться ещё два года, до 14 лет, но и тогда их не ожидает ничего хорошего. В лучшем случае они сумеют устроиться экспедиторами или курьерами, а очень многие и этой работы получить не могут: ведь в нашей стране безработица.

О высшей школе дети бельгийских рабочих и не мечтают. Она им совсем недоступна. Дети рабочих учатся в высшей школе очень редко, как исключение.

В Советском Союзе я был в различных музеях, и меня удивило, как много детей посещает музеи. Они приходили и одни, и с родителями, и со школой. Я регулярно посещаю музеи у себя на родине, но очень редко вижу там детей.

Нет у наших детей и своего театра. Мне пришлось быть в переполненном счастливой детворой Детском театре в Москве. Я видел, как любят юные зрители свой театр. Наши дети лишены этой радости.

Свой рассказ я хочу закончить фразой из одного письма, которое мы получили от советской молодёжи: «Для дружбы не существует ни границ, ни препятствий».

И нам, бельгийским трудящимся, очень хочется поддерживать дружбу с вашей страной, особенно когда мы познакомились с ней ещё ближе!

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Юрий Яковлев

Во Владивостоке
Утром,
Точно в срок,
В доме возле моря
Зазвонил звонок.

В самой первой школе,
На краю страны,
Он звенит,—
И слышать
Все его должны.

Дзины!
Дзины!
Дзины!
Всё громче
Он звенит чуть свет:
— Все ребята в сборе?
Опоздавших нет?

Из приморской школы
Дальше
За порог
Странствовать пустился
По стране звонок.

Разбудил Хабаровск,
Подожёл к Чите,
Зазвенел в Иркутске
И в Караганде.
Чуть не заблудился
По пути в песках,
Чуть не захлебнулся
В Каспии, в волнах,

По хребтам высоким
Обошёл Кавказ,
До Москвы оттуда
Долетел за час.

В деревнях,
В посёлках,
В городах страны
Он звучит,—
И слышать
Все его должны.

Если ловишь рыбу,
Удочки смотай
Да подмышку книжку
Поскорей хватай.

Если ты на крыше
У густых ветвей,
Как снежки,
Бросаешь
Белых голубей,

Свисти напоследок,
Собери скорей
Турманов хохлатых,
Гладких почтарей.
И скорее в школу,
Не жалея ног!..

Звонкий и блестящий,
Душу веселящий,
Зазвонил звонок.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ

№ 66

Рассказ С. Гансовского

Рисунки В. Цельмера

Они шли вчетвером. Вернее, втроем, потому что Розу мать несла на руках.

Впереди шагал отец — мужчина немногим более сорока пяти лет, высокий, с широкими плечами. Он шёл согнувшись, чтобы ремни заплечного мешка меньше врезались в плечи, но когда выпрямлялся, сразу было видно, какой это большой и сильный человек. На нём был выцветший синий комбинезон, холщовая измятая кепка и тяжёлые с железными подковами ботинки. Его лицо с выдающимся подбородком и глубоко запавшими глазами побурело от солнца, ветра и дорожной пыли. Наклонив голову, отец смотрел из убегающую под ногами серую бесконечную ленту дороги.

Мать шла немного позади. Это была сильная, широкоплечая женщина с коричневым от загара лицом, в туфлях на босу ногу, в порывевшей от солнца кофточке и широкой юбке; поправляя время от времени прядь тёмных волос, падавших на лоб, она тревожно поглядывала на лицо девочки лет трёх, которая спала у неё на руках.

Мальчик шёл последним, далеко отстав от родителей. Большую соломенную шляпу с потрёпанными полями он держал в опущенной руке, почти касаясь ею полотна дороги. Один мальчик не нёс ничего тяжёлого. Две книги и индейский лук, которые он взял с собой, были выброшены ещё возле Амарильо, километров за двести отсюда.

Мимо них пронеслись автомобили различных марок: яркокрасные обтекаемые машины «Дженерал моторс», тяжёлые трёхосные грузовики, дребезжащие, старые «Форды». Можно было бы попросить кого-нибудь подвезти, но хозяева легковых машин никогда не подбирают бродяг. А у грузовых на ветровом стекле обычно приклеены листки: «Пассажиров брать воспрещается». Наверно, хозяева жалеют те капли бензина, которые могут быть израсходованы на лишний груз, или не хотят, чтобы шофёр отвлекался разговорами с попутчиками. Кто их знает!

Каждый из идущих думал о своём, но ход мыслей был общим для всей семьи, которая вот уже вторую неделю шла из Техаса в Калифорнию по федеральной дороге № 66.

«Как это случилось? — размышлял отец. — Вот есть маленький домик, огород, на котором жена высаживает ранние овощи. Есть работа, хорошая работа сборщика на автомобильном заводе. Тебя все уважают, и мастер снимает шляпу, когда встречаешься с ним на улице в воскресенье. Потом начинают ходить слухи о безработице. Думаешь, что тебя это не коснётся. Но вот однажды приходишь за получкой и вдруг получаешь синий листок расчёта. «Послушайте, — говорите кассиру, — ведь я же здесь двадцать лет работаю». «Я делаю то, что мне прикажут», — говорит тот. И маленькое окошечко в кассе захлопывается...»

Мать вспоминала о старшем сыне. С таким сыном родители могли не бояться старости. Высокий, широкоплечий, весёлый, он подхватил мать, как перышко, когда они прощались в 1943 году: «Меня не убьют, мама. Видишь, какой я сильный». А теперь вот лежит в общей могиле под Шербургом, во Франции. Сына, может быть, и не

уволити бы с работы. Ведь увольняли в первую очередь тех, кто старше сорока пяти лет. На заводских воротах так и было написано: «Рабочие старше сорока пяти лет не принимаются».

Вот и отец оказался уволенным, хотя он ещё очень крепкий человек. Что же, если человеку исполнилось сорок пять лет, значит, нужно умирать? Мать посмотрела на лицо девочки. Только она и осталась у неё. Да ещё Томми. Но где же он?

А Томми думал о другом. На рекламном плакате мальчик прочел: «Пейте кленовый сок. Полезно, питательно, вкусно!»

Последний раз они ели вчера. Одна женщина дала им пачку личного порошка. Но это было вечером, а теперь уже середина дня. Томми вспомнил о том, как он пил кленовый сок у деда на ферме. На дереве они нарезали желобки и собирали сок в ведра. Потом дед варил его в большом чане. Когда варка кончалась, Томми пил густую янтарную массу.

Как давно всё это было! Кажется, целая вечность прошла с тех пор. Томми пожалел, что пил тогда кленовый сок без хлеба. Сейчас он мазал бы его на хлеб. Мальчик шёл всё медленнее и медленнее.

— Томми! — донёсся издали голос матери.

Мальчик посмотрел вперёд. Отец и мать остановились на дороге. Отец стоял согнувшись, а мать, наоборот, откинулась назад: ей тяжело было нести Розу.

Томми прибавил шаг. Он слишком устал. Если бы поесть чего-нибудь, то, конечно, можно идти быстрее. А сейчас его маленькие ноги в стоптанных ботинках переступали медленно.

Мать с жалостью смотрела на приближающуюся фигурку мальчика.

— Ты очень хочешь есть? — спросила она.

Томми выпрямился. Он откинул назад голову и облизал потрескавшиеся губы:

— Поел бы. Но не сейчас. Ещё рано. Может быть, вечером что-нибудь достанем.

Мать переложила спящую Розу на другую руку.

— Хорошо бы дать ей попить, Джуд, — сказала она, обращаясь к отцу.

Отец молча обвёл взглядом степь: кругом была только выжженная солнцем трава.

— Ну, пойдёмте, — мать посмотрела вперёд. — Вон там, кажется, какая-то ферма. Только не отставай, Томми.

Мальчик кивнул головой, и они снова пустились в путь. Через некоторое время мать начала отставать от отца. Мальчик шёл медленнее всех, и вскоре между ним и родителями снова оказалось большое расстояние.

Так они шли довольно долго, пока слева, за

дорогой, не начались огороженные колючей проволокой бесконечные поля картофеля, уходящие к горизонту. Картофель был уже убран.

— Большая ферма, — произнёс отец.

Мать не ответила. Она думала о том, что на такой ферме, пожалуй, не дадут ничего.

Томми нагнал их.

— Папа, — предложил он, — я подлезу под проволоку и посмотрю: может быть, там осталось немного картофеля в земле?

— Не надо, — покачал головой отец. — Мы придем на ферму и спросим, нет ли какой-нибудь работы.

Мать вздохнула. Сколько раз они уже спрашивали! Но работы всё нет и нет.

Томми тоже вздохнул. Он думал о крупном бе-
лом картофеле, горячем и дымящемся.

Прошли ещё около трёх километров. За поворотом дороги показалась ферма — три высоких силосных башни, окрашенных белой краской, несколько длинных, с покатыми крышами амбаров и барак, где живут рабочие.

Солнце начало уже склоняться к горизонту, стало не так жарко.

Томми вдруг остановился.

— Папа, посмотри, сколько картофеля! — сказал он тихо, почти шёпотом.

Все трое остановились. Прямо перед ними за колючей проволокой возвышались несколько огромных груд картофеля.

Сколько еды! Они молча смотрели на это богатство. В глубине двора несколько рабочих, согнувшись, убирали какие-то шланги. Увидев стоящих за оградой людей, один из них выпрямился и что-то крикнул.

— Скажи им, что нам ничего не надо, — сказал отец матери. — Нам бы только напиться воды. Мы не нищие.

— Конечно, конечно! — сказала мать. — Не беспокойся, я только попрошу воды. — Мать сделала несколько шагов вдоль ограды по направлению к рабочим.

— Не найдётся ли у вас немного воды? — попросила она.

— У нас тут ничего нет, — ответил один из рабочих, — даже воды нет. Её привозят с другой фермы.

— Мистер, — обратился к нему отец, — может быть, здесь есть какая-нибудь работа? Нам бы только немного картофеля. Я старший механик, и весь инструмент здесь. — Отец кивнул головой, показывая на мешок за плечами. — Денег не надо.

— Немного картофеля? — повторил рабочий и, видимо, хотел ещё что-то сказать, но в этот момент из глубины двора раздался властный окрик: «Эй, кто там?»

— Хозяин идёт! — прошептал рабочий.

К ним приближался небольшого роста мужчина с выдающейся вперёд челюстью и красным лицом. Глаза его смотрели недружелюбно.

— Что вам надо? — спросил он прохожих.

— Нет ли у вас работы? — сказала мать. — Мы поработали бы за мешок картофеля.

— У меня ничего нет, — ответил мужчина. — И не задерживайтесь здесь. Проходите!

— Пойдёмте! — не выдержал отец. Он повернулся и быстро пошёл по дороге.

— Кушать хочу! — плакала Роза.

— Ну, сейчас, сейчас! — говорила мать. — Скоро мы придём на место.

— Эй вы! — донёсся голос хозяина фермы. — Вы здесь на ночь не останавливайтесь! Это не разрешается. Там, впереди, через три километра, есть лагерь безработных. А здесь я на ночь выпускаю собак!

Они дошли до лагеря, когда уже начиналась ночь. Собственно, это и не был лагерь. Просто возле дороги проходила широкая, защищённая от ветра лощина с маленьким ручейком посередине. Там было удобно развести костёр, и кое-кто из собравшихся уже сделал это.

Те, у кого не было пицци, садились вместе и разводили один большой огонь. А те, у которых было что поесть, располагались отдельно. Не от жадности, нет. Просто, если у человека есть немного бобов, то ведь надо накормить своих детей. Голодных на дороге тысячи.

— У меня ничего нет, — ответил мужчина. — И не задерживайтесь здесь. Проходите!

Отец, мать и Томми опустились на землю, но вдалеке от большого общего костра. В первый момент ни у кого не было сил что-нибудь сделать. Томми всё время думал о картофеле. Его начало тошнить от голода, и он с трудом сдерживал слёзы. Отец сидел, опустив голову.

— Кушать!.. — вновь протянула Роза.

— Да уймись ты! — воскликнула мать, одёргивая на ней платье. — Ты попробовал бы выменять на еду что-нибудь из своих инструментов. Всё равно без дела носишь! — сказала она отцу.

Томми с удивлением посмотрел на мать. В первый раз она так говорила с отцом. Инструменты — это было единственное, что у них осталось. Томми ожидал, что отец вспылит, но он опустил голову ещё ниже и тихо сказал:

— Ничего не сделаешь...

Он медленно развязал мешок и стал рыться там. Потом вынул разводной гаечный ключ и повертел его в руках.

Наконец он встал и, сгорбившись, пошёл к большому костру. Мать и дети молча смотрели ему вслед.

Отец долго не возвращался. Он стоял у костра, освещённый снизу красными отблесками. Люди возле костра шумели. Наконец, отец пошёл обратно.

Было уже темно, но мать и дети видели, что в руках у него тот же гаечный ключ. Томми почувствовал, как тёплый комок подступает к горлу. Мальчик отвернулся, стараясь не выдать своих слёз.

Отец подошёл.

— Там хорошие люди, — сказал он. И мать вдруг увидела, что лицо у него радостное и сму-

щённое. — Приглашают нас к костру. У них есть картофель.

— Что ты говоришь?! — сказала мать. — Бывают же такие люди!

Томми показалось, что в голосе у неё прозвучало что-то похожее на слёзы. Она встала и взяла Розу на руки:

— Томми, заправь рубашку!

Возле костра распоряжался маленький рёста черноволосый мужчина с мелкими чертами подвижного, улыбающегося лица. Он шумно приветствовал мать:

— Садитесь, садитесь, места всем хватит! Картофеля — тоже. Эй, длинноногий, подбери свои ходули!

— Ничего, ничего, — говорила мать. — Мы как-нибудь устроимся!

Люди вокруг костра, их было человек десять, потеснились и дали место вновь прибывшим.

— Берите картофель из этой кучи. У вас есть котелок? Вешайте его на палку!

Мать наполнила котелок.

— Не стесняйтесь, — говорил черноволосый. — Нам этот картофель ничего не стоил. Мы его «одолжили» на соседней ферме.

При слове «одолжили» люди вокруг костра засмеялись, и Томми понял, что они просто сами взяли картофель.

Один котелок поспевал за другим, и черноволосый раздавал горячие крупные картофелины сначала детям, потом взрослым. На газету он насыпал соли, и все макали в соль картошку.

Томми думал, что ему никогда не наестся. Он давился, обжигался и всё брал и брал у черноволосого картофеля. Отец ел медленно, с достоинством. Мать сначала накормила Розу, а потом сама съела несколько штук.

Картофель кончился. Мужчины закурили, делясь между собою табаком.

— Пойдём вымоем котелки, — сказала мать.

Томми поднялся, они собрали котелки и пошли в темноту, к ручейку.

— Надо бы сходить ещё за картофелем на утро, — сказал кто-то у костра.

— Сейчас ничего не выйдет, — ответил черноволосый. — Его уже собрали в кучи. Этот мы набрали раньше, ещё на поле. А теперь там, наверно, охрана.

Когда Томми с матерью вернулись к костру, люди лежали, глядя на огонь. В зубах у мужчин поблескивали самодельные папиросы. Роза уже спала, свернувшись клубком на разостланном отцом одеяле.

— Да... найдёшь ты там работу! — говорил черноволосый, продолжая разговор. — Это только говорят, что в Калифорнии есть работа. А на

самом деле там не лучше, чем здесь. Тысячи людей ходят по дорогам!

— Что же делать? — сказал отец. — Человеку надо на что-нибудь надеяться.

— Может быть, безработица скоро кончится? — выразил надежду кто-то.

— Да, кончится!.. — мрачно проговорил черноволосый. — Безработица, которая началась в 1929 году, тянулась шесть лет. И эта будет не меньше. Мне тогда отец всё говорил: «Вот-вот кончится». Говорил, говорил, да так и умер от голода. А я вот вырос таким маленьким.

Томми подумал о себе: неужели и он будет таким маленьким? Нет, этого не может быть!

Но сегодня он целый день не ел и, наверно, совсем не рос. И завтра нечего будет есть.

— Так что же делать? — сказал отец.

— Что делать? — ответил взволнованный голос. — Отобрать у них все фабрики и заводы! Тогда безработица кончится.

— Так только коммунисты делают, — произнёс черноволосый.

— Никогда не видел ни одного коммуниста, — ответил тот же голос. — Хотелось бы посмотреть. Наверное, хорошие ребята.

— Они уничтожают всё, — твердил черноволосый. — Они не признают семьи...

— Да, — неожиданно вступил в разговор мужчина в истрёпанном комбинезоне, с чистым исхудавшим лицом и высоким лбом, — коммунисты уничтожают всё — так пишут газеты. Я тоже коммунист. И мой друг — коммунист. — Он показал на лежащего рядом добродушного худощавого негра в старой солдатской форме и с ленточкой «За храбрость».

— Нет, ты в самом деле коммунист?! — недоверчиво спросил черноволосый.

— Конечно, в самом деле. Вот у меня и бомба в кармане.

Вокруг костра прошёл смешок.

— В газетах такие ужасы пишут про Россию и про коммунистов, что не знаешь, чему и верить, — сказал отец.

— А вот чему верить, — снова заговорил тот, кто называл себя коммунистом. — Я разговаривал с одним парнем, который читает нашу, рабочую газету. Он мне рассказывал, что в России сейчас идёт большое строительство. Там людей просто нарасхват берут. На одной Волге сооружают две таких электростанции, каких нет во всём мире. Их дети даже и не знают, что означает слово «безработица».

— Волга — это русская река, — сказал черноволосый. — Там они Гитлера разбили.

Томми лежал на спине и думал о России. Она представлялась ему страной вечного снега. В этом

— Я тоже коммунист, и мой друг — коммунист.

снегу русские строили электростанцию. Но там была работа, и за неё платили.

— Ну, спасибо, — сказала мать. — Надо укладываться.

Когда разложили одеяло, Томми лег рядом с отцом.

— Папа, — спросил он, — а правда, я не вырасту, если не буду есть?

— Ничего, сынок, — ответил отец, — безработица скоро кончится.

Томми вспомнил, как черноволосый рассказывал о своём отце, который так же говорил, а потом умер от голода. Мысль о том, что его отец может умереть, была непереносима.

— Папа, ты можешь умереть от голода?

— Нет, сынок. До этого ещё далеко. Спи.

Он положил свою большую, тяжёлую руку Томми на плечо и прижал мальчика к себе. Кругом тоже укладывались люди. Человек с высоким лбом затушил костёр.

Некоторое время то в той, то в другой стороне слышались разговоры. Иногда огонёк напирсы вырывал из темноты чьё-нибудь исхудавшее лицо. Наконец стало тихо. Только с дороги доносилось шуршание автомобильных шин.

Томми не спалось. Мальчик думал о том, что утром Роза опять будет просить есть и он сам будет голоден. Томми снова вспомнил об огромных грудах картофеля на ферме. Осторожно освободившись от руки отца, он сел и осмотрелся.

В долине все спали. То здесь, то там слышалось тяжёлое дыхание уставших людей.

Томми поднялся и тихонько вытащил из-под одеяла сложенный вчетверо мешок — один из трёх мешков, которые у них были. Проверил, в кармане ли его ножик. Потом, крадучись, отошёл от отца и поднялся на дорогу.

Вправо и влево простиралось тёмное полотно асфальта. Здесь, наверху, было холодно, и Томми почувствовал, как хорошо было под тёплой рукой отца. Одеяло, на котором мальчик спал, показалось домом, где он, хотя бы и временно, был защищён от невзгод.

А сейчас Томми стоял один на тёмной дороге. Ему захотелось вернуться, но он поборол в себе это желание и двинулся по дороге.

Идти было далеко, около трёх километров. Сначала Томми шёл почти наощупь, поворачивая налево или направо, когда ноги чувствовали, что он сошёл с асфальтового полотна на придорожный гравий. Потом глаза привыкли к темноте, и мальчик зашагал увереннее.

Ночь была полна звуков. То вдруг раздавался резкий звон цикад, то проскакивал через дорогу заяц, то пугающе кричала какая-то птица. Чем дальше мальчик уходил от лагеря, тем ему становилось страшнее.

Вдали показался маленький огонёк и стал быстро приближаться. Томми остановился, не понимая, что это. Огонек увеличивался, слепил маль-

чику глаза. Томми отошёл в сторону и прежде чем понял, что это такое, огромный чёрный автомобиль с одной зажжённой фарой промчался мимо него, едва не задев крылом. Затем после ослепительного света наступила полная темнота.

Некоторое время мальчик стоял, ничего не видя, потом неуверенно двинулся дальше. Глаза его снова начали привыкать к темноте, и дорога стала смутно вырисовываться во мраке.

От быстрой ходьбы Томми согрелся, идти было легко. Ноги как будто сами несли его. Томми подумал, что скоро дойдёт до фермы. Он не станет красть, нет. Отец никогда не простил бы ему этого. Томми вспомнил, как он поморщился, когда черноволосый сказал «одолжили». Томми не возьмёт картофеля тайком. Он попросит его.

Мальчик шёл уже много времени и начал напряжённо вглядываться в темноту, чтобы не пропустить ферму. Вдали снова показался огонёк. Теперь Томми знал, что делать. Он сошёл с дороги и отвернулся в сторону, чтобы свет фар не ослепил его. Автомобиль пронёсся мимо, и в быстро мелькнувшей полосе света мальчик увидел столбы изгороди. Это была ферма.

Томми дошёл до ворот, сел на корточки и прислушался.

Ни звука не доносилось с фермы. Казалось, там всё вымерло. Окна барака, в котором жили рабочие, не были освещены. Горы картофеля темнели совсем рядом на фоне белых силосных башен. Томми хотел было войти во двор, но вдруг вспомнил про собак, о которых говорил хозяин, и не решился подлезть под проводку.

Некоторое время мальчик прислушивался, но ночь отвечала ему только жужжаньем каких-то насекомых и шорохом ветра в траве. Внезапно рядом послышался лёгкий шум. Томми в страхе обернулся. Серая тень мелькнула возле него: заяц! Во дворе попрежнему было тихо. Не тявкнула ни одна собака. Тогда с бьющимся сердцем Томми подлез под проволоку.

Он подошёл к дому и осторожно постучал в дверь. Никто не отвечал.

Томми постучал сильнее. За дверью послышалось ворчанье. Потом кто-то заскребся, и вдруг мальчик услышал злобный лай собаки.

«Неужели уже спят?» — подумал Томми. Он отошёл от двери и, увидав в одном из окон пробивавшийся сквозь ставни свет, тихонько постучал. Только собака лаяла в ответ. Потом одна из ставен резко откинулась в сторону, и мальчик увидел заспанное и помятое лицо человека, который сегодня так грубо отказал им в работе.

— В чём дело? Чего ты стучишь?

Путаясь и краснея, Томми попросил у него картофеля, хотя бы совсем немного. Его отец отработает... Даже он сам может отработать...

Лицо хозяина выражало недоумение. Казалось, он никак не мог понять, что нужно мальчику. Потом вдруг шумно вздохнул, и до Томми донёсся запах виски. Хозяин был пьян.

— Что ты хочешь? — снова спросил он.

— Картофеля, немного картофеля, — повторил мальчик, отступая. Он не любил и боялся пьяных. Отец никогда не бывал таким. Внезапно Томми подумал о том, что он здесь один, ночью, на чужой ферме. Мальчику стало страшно.

Но хозяин, повидимому, не имел никаких враждебных намерений. Он помолчал ещё с минуту, о чём-то размышляя.

Наконец губы его раздвинулись в пьяной улыбке:

— Ты хочешь картофеля? Постой, я запру собаку.

Он исчез в глубине комнаты. Некоторое время оттуда слышалось рычанье и какая-то возня. Наконец дверь отворилась, и на пороге появился хозяин с фонарём в руке.

— У тебя есть мешок? — спросил он.

— Есть! — обрадованно воскликнул Томми. — Вот! — И мальчик показал свой мешок.

Хозяин, бормоча что-то про себя, сошёл с крыльца и, покачиваясь, пошёл к грудам картофеля. Томми следовал за ним.

— Давай мешок! — сказал хозяин. Он взял мешок, резко повернулся к куче и, не рассчитав движения, едва не упал на картофель. — Я тебе дам сколько угодно картофеля, — говорил он. — Бери сколько хочешь. Хоть всю кучу.

Томми не заставил себя подгонять. Он присел на колени и дрожащими руками стал быстро бросать картофель в мешок. Неприятный, тяжёлый запах ударил ему в нос. Через несколько минут мешок наполнился.

— Хватит, сэр, — остановился Томми. Он знал, что больше ему не унести.

— Бери больше! — воскликнул хозяин. — Мне не жалко. Бери хоть всё!

— Спасибо, спасибо! — сказал Томми. — Отец будет вам очень благодарен.

— Благодарен? — переспросил хозяин и рассмеялся, но неожиданно оборвал смех и бросил мешок.

— Не хочешь больше брать, не надо. Теперь уходи, а я пойду спать.

Он повернулся и, шатаясь, пошёл прочь. «Благодарен!..» — повторял он про себя. — «Благодарен!..» У самого крыльца он оглянулся:

— Передай привет отцу и всем бродягам там, в лагере!

Снова зарычала собака, хлопнула дверь, и всё стихло.

Томми ещё раз крикнул: «Спасибо, сэр!» — и схватил мешок. Он оказался очень тяжёлым.

Чувствуя, как кровь приливает к лицу, мальчик понёс мешок к изгороди, подлез под неё сам и протаскил свой груз.

Не пройдя и десяти шагов, Томми понял, что так он не сможет донести мешок до лагеря. Томми попробовал забросить его на спину. Но груз был слишком тяжёл.

Томми присел на дорогу и задумался. Потом вынул из кармана верёвку и разрезал её пополам. Одним куском он крепко затянул верх мешка. Затем ровно распределив груз на две части, и перевязав мешок посредине, мальчик подлез под него и с усилием встал на ноги.

Томми прошёл, наверно, около километра, когда почувствовал, что страшно устал. Правое плечо, на котором он нёс мешок, начало болеть. Несмотря на прохладную ночь, ему было жарко, пот струился по лицу. Мешок давил на грудь.

Мальчик сошёл с дороги, сбросил мешок на землю и растянулся возле него. Плечо гудело от усталости. Лежать было необыкновенно приятно.

Томми пролежал минут десять, наслаждаясь отдыхом. Потом снова подлез под мешок, взял его на другое плечо и двинулся дальше.

Теперь он шёл медленнее. Казалось, мешок тяжелеет с каждым шагом. А Томми думал о том, как принесёт картофель в лагерь, как соберутся люди и как все будут рады.

Меньше чем через километр мальчик снова вынужден был отдохнуть. Потом, пройдя метров триста, полежал ещё раз. Он начал считать шаги. Плечи и спина болели нестерпимо. Он весь вспотел и покрылся пылью. С каждым шагом идти было всё тяжелее. Теперь мальчик уже не думал о том, что скажут в лагере. Всё исчезло, осталась только одна мысль — донести мешок. Больше всего ему хотелось лечь и лежать неподвижно, но Томми знал, что надо торопиться. Небо на востоке начало светлеть. Мальчику стало казаться, что он никогда не дойдёт до лагеря. Он шёл, падал, поднимался и снова шёл.

Лагерь показался неожиданно, когда мальчик уже решил, что ему не донести мешка. Слева, в ложине, возле потухших костров спали люди.

Напрягая последние силы, Томми спустился вниз, подошёл к отцу, осторожно опустил мешок на землю и сам свалился рядом с ним. Он победил! Он донёс мешок! Мальчик прижался к отцу и заснул крепким, без сновидений сном.

Когда он проснулся, солнце стояло высоко в небе. Все уже встали. Мать умывала Розу возле ручья. Отец стоял с несколькими мужчинами. Они смотрели на что-то, лежавшее на земле.

«Мой картофель!» — подумал Томми и встал. Спина, плечи, руки — всё болело нестерпимо. Но мальчик был счастлив: он, маленький и слабый, принёс этим людям пищу. Широко улыбаясь, Томми зашагал к мужчинам.

— Папа! — закричал он. — Я его не украл, мне дали!

Мужчины повернулись к мальчику. На земле лежал его мешок, но картофель... Томми не верил своим глазам. Клубни были странного, синего цвета, покрытые какой-то слизью.

— Папа, что это?! — спросил в ужасе Томми.

— Они отравили картофель, сынок, — ответил отец. — Облили какой-то жидкостью, чтобы нельзя было есть.

Томми нагнулся и взял одну картофелину в руки. Она расплзлась синеватой, противной на ощупь массой. Только сердцевина была ещё крепкой, но и она уже окрасилась в синий цвет.

— Это, наверно, стоило немало денег — отравить столько картофеля! — сказал черноволосый.

— Папа, зачем они это сделали?

— Сейчас стоит низкая цена на картофель, — ответил за отца мужчина с высоким лбом. — Нет покупателей, вот хозяева и отравили его, чтобы не досталось людям.

— Значит, этот картофель нельзя есть? — спросил Томми дрожащим голосом.

— Нельзя, — ответил черноволосый. — Я знаю эту штуку. Так часто делают, когда хотят поднять цены.

Томми повернулся и пошёл в сторону. Всё было напрасно: и страх, и усталость, и труды целой ночи. Им опять нечего есть. Мальчик лёг на траву лицом к земле. Рыдания сотрясали его маленькое тело.

Мужчины подошли к Томми и сели кругом.

— Не ночью надо брать, — сказал тот, кто называл себя коммунистом. — И не просить! Открыто прийти и взять то, что принадлежит народу!

— И мы возьмём! — воскликнул отец, поднимаясь. — Клянусь, мы сделаем так, как сделали рабочие в России!

Полтора века назад жил в России замечательный человек, неутомимый путешественник, открыватель новых земель Григорий Шелехов. Начал он свою трудовую жизнь приказчиком иркутского купца, торговавшего пушниной в далёких и глухих уголках охотской тайги. Но пытливый ум Шелехова, смелое сердце вели его по пути исследователя, и вскоре открытия и путешествия, предпринятые на свой риск и на свои средства, прославили его, завоевали ему почести, уважение современников. Поэт Державин воспел его в своих стихах и наименовал «Колумбом русским», который «проплыл моря, открыл страны безвестны».

Шелехов положил начало изучению и освоению восточного побережья Северной Америки русскими, он был основателем первой русской торговой колонии на острове Кадьяк, у побережья Аляски.

У него были смелые планы и мечты об исследовании Средней Азии, Тихоокеанских архипелагов, о покорении Арктики, об открытии Северного полюса, показывающие, как далеко вперёд смотрел этот талантливый русский человек, опередивший свой век и своих современников. На помещённой здесь карте вы можете проследить путь от Охотска до острова Кадьяк у Аляски, по которому не раз проходили галиоты Шелехова.

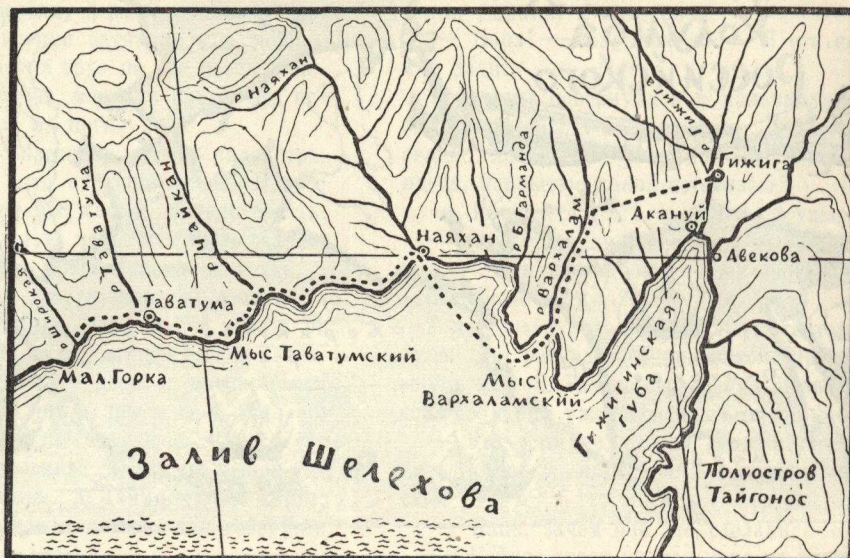
У холодного Охотского моря, на берегу залива, который носит имя Григория Шелехова, стоит посёлок Ньюкан, а ньюканские школьники, как водится, — пытливые и предприимчивые

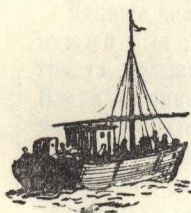
Григорий Иванович Шелехов.

ребята. Вместе со своим учителем Николаем Павловичем Пашковым они прошлым летом совершили путешествие по местам, где бывал Шелехов, откуда он отправлялся в свои заморские плавания. Ребята с удивлением и радостью увидели, что память о Шелехове до сих пор живёт среди простых и суровых охотников, рыбаков, оленеводов — эвенов и коряков.

Об этом походе, о своих приключениях, путевых встречах, наблюдениях ребята рассказывают в записях, которые мы здесь помещаем.

Маршрут своего похода нюканские пионеры отметили на карте пунктиром.

СТРАНИЧКА ИЗ ДНЕВНИКА

В полдень 18 июля наш небольшой отряд нюканских пионеров высадился на пустынном берегу у мыса Малая горка. Моторный катер «Девятка», доставивший нас сюда, ушёл в море.

— Давайте, ребята, развернём карту, — сказал нам Николай Павлович. Мы мигом окружили его и посмотрели на указанную нам на карте маленькую точку.

— Вот село Таватумское. Отсюда наш отряд пойдёт через Чайкан к Наяханскому лиману и далее на Гижигу. Маршрут, ребята, сложный: придётся идти по таёжным тропам, через горные хребты, быстрые ручьи и студёные реки. Залив Шелехова окружён высокими, обрывистыми берегами. Вот за этим горным хребтом бежит река Таватума. Туда мы сейчас и пойдём.

Николай Павлович свернул полевую карту. Мы молча смотрели на холодные волны Охотского моря. Потом наш учитель сказал:

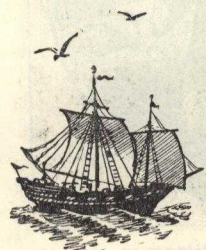
— Когда-то мимо этих берегов проходило маленькое парусное судно — галиот Григория Шелехова, — отправляясь в плавание к далёким берегам. Но об этом пусть расскажет Коля Сивцев.

Волны плескались о берег, и казалось, мы видим в тумане старинный корабль с белеющими крыльями парусов.

Мы сидели на гладко отполированной ветрами и морским прибоем каменной плите. Был час отлива, и вода отступила далеко от берега.

Коля Сивцев раскрыл толстую тетрадь и начал рассказ о Шелехове:

— Представим себе, что пришли мы сюда полтора века назад. Светит солнце, несметной стаей летают над волнами чайки, высматривая добычу. Над прибрежной галькой тихо бежит ветерок, в тальниковой роще щебечут кедровки с алыми пёрышками на груди...

Может быть, именно так и было всё в тот день, когда на палубе маленького корабля, идущего к берегам Америки, стоял человек и в подзорную трубу рассматривал эти пустынные морские просторы. Он был не похож на таких путешественников, как Васко да Гама, Пизарро Кортес, которые заливали кровью туземцев открытые земли.

Он думал не о грабежах и разорении кочевавших по тайге охотников, а об освоении далёких земель, о русской культуре и дружбе, которые принесёт он в глухие стойбища диких племён.

Коля рассказывал о Шелехове так интересно, как будто жил в одно время с ним и всё видел своими глазами.

Это оттого, что Коля постарался как можно больше узнать о Шелехове. Он прочитал о нём все книги, какие только смог найти. У одного географа, путешествовавшего по нашему побережью, Коля достал редкую, старинную книгу о смелом мореходце.

Колин старший брат, боцман пароходика, обслуживающего рыбные промыслы, летом взял Колю с собой в рейс. Вот тогда ему удалось побывать на Ураке, своими глазами увидеть то место, где Шелехов строил свои галиоты, откуда он отплыл в первое путешествие.

Теперь мы слушали рассказ о тяжёлых бедствиях этих кораблей в Восточном океане, о голодной зимовке на острове Беринга, о плавании вдоль Алеутской гряды. На путь, который современный пароход совершил бы в несколько дней, галиотам Шелехова понадобился год.

Кончался отлив. Волны снова подступали к каменной плите, когда Коля Сивцев закончил свой рассказ.

Мы двинулись в путь, думая о бесстрашном мореходе, о человеке, который, борясь с голодом и болезнями, покорил океан, достиг Аляски и основал на американском острове Кадьяке русский посёлок и в нём школу для туземцев.

Перебравшись через сопку, наш отряд увидел Таватумскую долину.

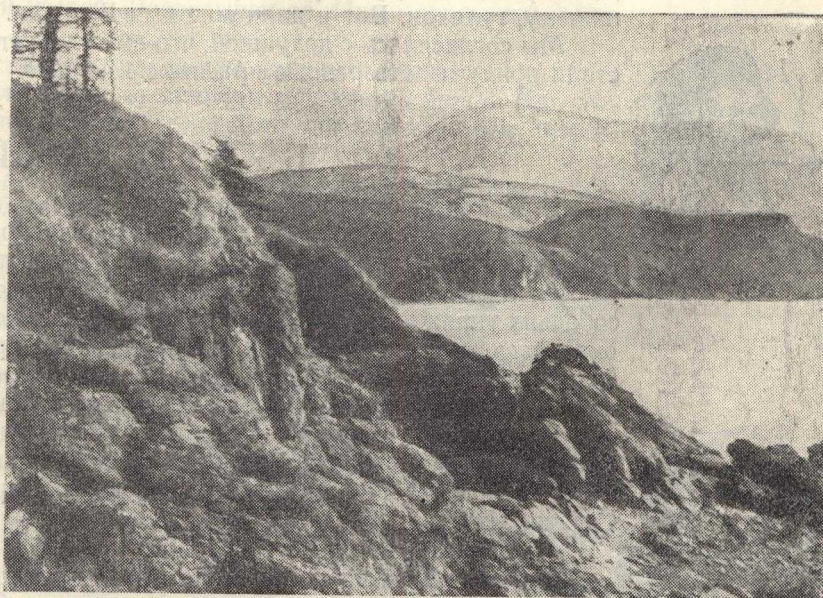
Серёжа Иткан,

У КОСТРА НА «СТРЕЛКЕ»

Село Таватумское раскинулось за невысокой сопкой. Всего три километра отделяют его от моря, а какая резкая разница в климате! Здесь гораздо теплей, чем в других местах залива, много зелени и деревьев. Рядом с тополями стоят берёзы, у подножья сопки кедровый стланик, высокие травы, густые заросли папоротника. Всё это потому, что в Таватумской долине бьёт тёплый ключ. На берегах его побывали и мы. Это сероводородный целебный источник. Его водой можно лечить болезни суставов, мышц, нервную систему, раны.

Под вечер наш отряд расположился на отдых. Мы раскинули палатки на стрелке небольшого островка. Ве-

Здесь, у скалистых берегов мыса Малая горка, высадились ребята и начали свой поход.

У тёплого ключа в Таватумской долине путешественники увидели заросли орешника, тальника и высоких луговых трав.

чером мы пригласили из ближнего колхоза охотника дедушку Гулаханана.

Звонко потрескивал сухой валежник в костре. Мы сидели вокруг него и слушали рассказы старого Гулаханана об играх молодых песцов, впервые вылезших на свет из тёмной норы, о хищных росомахах, о неуловимых, хитрых соболях. Мы узнали от него, как зажиточно стали жить эвены, вступив в колхоз. Люди, не знавшие до революции, что такое хлеб, теперь едят белые булки; пьют настоящий чай с сахаром, молоко. На землях Таватумской долины растут помидоры и дыни. Электрические огни освещают жилища эвенов. Когда-то неграмотные и тёмные люди научились управлять машинами, поднимающими невода с богатым уловом.

— А бывало, американские купцы, приходившие сюда грабить охотников, говорили: «На твоём берегу, Гулахан, морская капуста — и та не родится! Не обойтись тебе без фирмы «Гудзон-Бай». Поглядели бы они сейчас, как живут люди в тайге. Жизнь в тайге молодой стала, только вот у меня имя попрежнему старое, сменить бы его надо.

— Почему? — спросили мы.

— Жили мы плохо. У отца в юрте, кроме обгорелой головешки да облезлой оленьей шкуры, ничего не было. А в тайге был обычай: на какую вещь новорожденный глянет, именем той вещи его и называют. Я, открыв глаза, в первый раз глянул на обгорелую головешку, — по нашему, гулахан. Вот и дали мне имя Гулахан.

Мы согласились с дедушкой, что ему следует переменить имя, и тут же стали придумывать разные красивые имена.

Петя Трифонов

БУРУНДУКИ

Я расскажу обо всём по порядку.

Было так. На четвёртый день похода, перебравшись на другую сторону небольшой речушки, наш отряд наткнулся на старую поварню. Так называются лесные избушки, в которых зимой каюры, здешние погонщики собачьих упряжек, да одинокие путники укрываются от непогоды. Поварня оказалась полуразрушенной, часть потолка провалилась, и истлевшие, тонкие жерди лежали на земляном полу.

— Ребята, будьте осторожны! — предупредил нас Николай Павлович.

И, наверно, в мыслях у каждого промелькнуло: а вдруг в поварне сидит медведь. Николай Павлович снял с плеча ружьё, а мы, вооружившись камнями и палками, встали поодаль. Первым заглянул в поварню Серёжа Иткан.

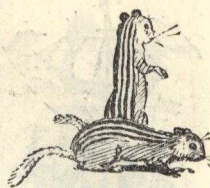
— Ребята! — закричал он. — Бурундуки!

Мы окружили поварню. Коля Сивцев размотал тонкую сетку, связанную из крепких ниток, сунул один конец в руку Серёжи и полез в избушку. Затаив дыхание, мы ждали результата. В испуге маленькие зверьки заби-

лись под провалившийся потолочный настил, и его пришлось раскидывать. Когда Серёжа Иткан поднял последние две жерди, выводок бросился к дверям. Но здесь бурундукам преградила дорогу сетка. Со страшным писком зверьки кинулись в угол, чтобы через дыру убежать в тайгу. Но выбраться удалось лишь двоим, двое других, ударившись об ноги Иткана, отскочили обратно к сетке и, запутавшись в ней, оказались в руках Коли Сивцева.

Мы весело зашагали дальше. Бурундуки сидели в большом жестяном бидоне, который нёс завхоз отряда Игнат Данилов. Решено было при первой же возможности сделать для них клетку, а дома приручить. Ручной бурундучок — очень забавный зверёк, его интересно держать в школе.

Витя Цырой

СТАРАЯ НЮЧИ

Осторожно раздвигая кусты, мы шли вдоль ключа, проложившего себе узкое ложе между громадных камней. Струйки его прозрачной воды под лучами солнца казались серебряными. И мы назвали ручеёк Серебряным.

Пройдя по течению, мы остановились на отдых. Не прошло и пяти минут, как по распадку прокатилось эхо выстрела. Затем грянули ещё два. Ясно: где-то близко охотник. Но что за зверь стал его добычей? Может быть, медведь? Мы побежали на выстрелы.

Обогнув скалу, мы увидели маленькую палатку. Она стояла у впадения Серебряного в извилистую речушку. Возле палатки на тонких жердочках вялилась рыба. У камня дымился костёр; трое мужчин и седая старуха разделявали тушу горного барана.

Это была семья самой старой в этих краях эвенки Нючи. Нючи с сыновьями пришла сюда из колхоза «Элегчан» на заготовку юколы — вяленой рыбы — для ездовых собак. Стрелял, оказывается, самый младший сын Нючи пятидесятилетний Опока. Это он убил горного барана.

Мы и раньше слышали об этой семье. Нючи очень старая, ей сто четыре года. Её отец жил в то время, когда здесь бывал Шелехов.

Узнав, какой мы совершаем поход, бабушка Нючи вдруг заволновалась. Дрожащей рукой она набила табаком свою маленькую трубку и быстро юркнула в палатку. Вскоре она вернулась с небольшой сумкой, зашнурованной сухой оленьей жилой. Развязывая её, Нючи что-то шептала по-эвенски.

— Вот! — отрывисто сказала она, вынув какую-то кость.

Это был кусочек пожелтевшего от времени моржового бивня. На нём было вырезано изображение человека, у ног которого лежали лисы, белки и толстомордый усатый морж.

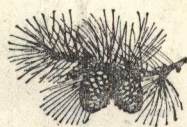
Мы молча рассматривали рисунок и вопросительно поглядывали на Нючи. Когда бивень обошёл всех, она сказала:

— Теперь слушайте!

И мы услышали, как однажды, лет семьдесят назад, её муж, охотник Адкани, кочуя по Омолонской тайге, повстречал русских казаков. Пурга сбила их с омолонского тракта. Адкани предложил путникам отдохнуть в своей юрте. В юрте над люлькой маленького сына Нючи висела вместе с бисером и медными побрякушками медная монета. Казачий старшина заинтересовался этой монетой и, разглядывая её, спросил Адкани, откуда она. Адкани рассказал, что отец получил её от хорошего человека, большого русского начальника: он не обижал эвенов, дал им много товаров за меха и подарил отцу Адкани эту счастливую монету.

Тогда казак тоже стал рассказывать об этом русском. Адкани слушал и курил трубку за трубкой.

Потом Адкани сказал Нючи, что хороший русский — Григорий Шелехов и что монета счастливая. А в память Шелехова Адкани вырезал на

куске моржового бивня того, кому, по рассказам стариков, подчинялось море, к ногам кого покорно ложились звери.

У бабушки Нючи мы побыли весь следующий день.

Отсюда отряд направился через тальниковую рощу к подножью сопки, за которой лежал Наяханский лиман.

Петя Данилов

НА РЫБНОМ ПРОМЫСЛЕ

Наяхан — районный центр. Это благоустроенный посёлок со средней школой, детскими яслями, магазинами, клубом, библиотекой. В этом посёлке колхоз. В нём трудится много охотников-следопытов и рыболовов. Мы побывали на рыбном промысле.

По лиману плыли многочисленные кунгасы, гружённые крупным лососем и селёдкой. Мимо нас прошли бригады колхозных девушек. Они спустились вниз с горы по тропинке, ведущей туда, где принимали рыбу с воды. За ними пошли и мы. Здесь люди в резиновых фартуках разделявали на больших столах крупную кету. Из толстых рыб они вынимали икру и в специальных корытцах относили её в помещение, где складывали в глубокие сачки и опускали в чаны, наполненные крепким тузлуком — солёным раствором. Потом мы видели, как икру укладывали в маленькие бочонки, изнутри обложенные плотным пергаментом. С наяханского промысла красная кетовая икра идёт во Владивосток, а затем в Москву, Ленинград и другие города нашей страны.

На следующий день на сборе, устроенном для ребят посёлка, мы рассказывали о славной жизни морехода Шелехова, о том, как он открыл для эскимосских детей школу и учил кочевые племена обрабатывать землю.

На этот сбор мы пригласили знаменитого наяханского охотника Василия Хуркана.

— Спасибо вам, пионеры, за светлое слово о человеке, так много хорошего сделавшем на наших берегах и там, где живут сейчас в американской кабале наши братья по крови — эскимосы Аляски, — сказал он нам на прощанье.

Нам очень приятно было слышать эти слова, и мы подумали: «Как долго живёт память о Шелехове среди эвенов и коряков. Ведь полтора-два года — немалый срок!» О Шелехове до сих пор складывают сказки. Нам вспомнилась сказка, которую записал Коля Сивцев, когда был с братом в плавании. Эта сказка называется «Белый камень на Ураке».

Это пастухи — оленеводы из эвенского колхоза «Рассвет». Ребята встретили их на Тайгоносе, недалеко от посёлка Авекова.

«Рассказали мне люди старые, на реке Охоте зверя пушного промышляющие, что до них песня дошла, давно кем-то сложенная: как из-за гор высоких, с Иркутка седого, с красавицей Ангарой породнившегося, пришёл к морю студёному человек смелый.

От него звен не прятался, от него в сопки олень не убегал. Человек тот был братом добрым. Он в таёжную ночь светлую любовь принёс. Он на землю холодную с добром пришёл.

Был тот человек сильнее ветра, крепче бури, и потому море ему покорилось. Был у того человека глаз ласковый, и потому он теплей солнца кочевнику казался.

Где холодный Урак в море вливается, там белый камень лежит. К тому камню морская волна прибегает. Как ни высока волна, а белый камень упорней; как ни далеко волна убегает, а белый камень раньше её всё видит.

Говорят, что камень белый был тем кораблём, что богатырь Шелехов на волну когда-то поставил, чтобы, через море перешагнув, раньше волны быстрой другой берег увидеть».

Гаврик Попов

ЧУДЕСНЫЙ КОРАБЛИК

На шестой день мы добрались до Гижиги, последнего пункта нашего похода. Это был самый трудный, но зато самый интересный переход.

Из Наяхана до Вархаламской бухты наш отряд плыл в большом кунгасе. Потом мы шли по берегу Вархаламской губы, между огромных камней, от которых веяло сыростью и холодом. Часто наши ноги тонули в скользких зарослях морской капусты, над головами кружили чайки, с шумом пронесли чернокрылые топорки — птицы с широкими красными носами. Здесь, на скалах под названием «Три брата», мы увидели птичий базар. Гоготали гагары, пищали люрики, кричали кайры. Птицы вытесняли друг друга, выгоняли слабых. Стоял оглушительный шум.

В этот день нам пришлось переходить вброд быструю речку. Идущие впереди забивали в дно реки деревянные колышки, между которыми натягивали верёвку. Держась за неё, шли остальные.

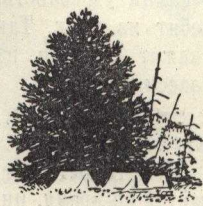
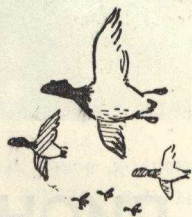
И вот мы в Гижиге. На обоих берегах реки и вдоль побережья полуострова Тайгонос (здесь тайга выступила далеко в море) раскинулся палаточный городок рыбаков. Везде стояли смолёные кунгасы и лёгкие байдары из шкур морского зверя. На берегах дымили костры.

Здесь в ожидании парохода на Ньюкан мы провели двенадцать дней. За это время наш отряд четыре раза выходил в море к ставным неводам. Мы смотрели, как работают рыбаки. Они нагужали полные кунгасы первосортным лососем, а возвращаясь на берег, били из ружей усаых нерп. На берегу туши нерп ловко разделявал старый коряк Ваялэ. Он снимает шкуру с морского зверя быстрее, чем его жена разделяет обыкновенную кету. Ваялэ угостил нас нерпичьим салом, поджаренным на сковородке. Старый колхозник показал нам землянку — походную копильню. В ней женщины подвешивали для копчения рыбу.

На Тайгоносе мы познакомились с местным бондарем по имени Тальявай. Он живёт в посёлке Авекова. И тут мы решили построить деревянное парусное судно, похожее на галиот Шелехова. Тальявай разрешил нам работать на своём верстаке и помог правильно рассчитать и сделать все части нашего корабля. Он состоит более чем из пятидесяти тщательно отделанных деталей. Борта галиота украшены резьбой, на мачтах белые паруса, над ними голубой вымпел.

Свой маленький галиот мы назвали «Григорий Шелехов».

Коля Сивцев

ПИОНЕРЫ СЕЛА САМОЙЛИХОВО

В необъятной нашей стране есть сотни тысяч больших и маленьких школ. Сегодня мы предлагаем нашим читателям заглянуть в одну из них, в начальную школу села Самойлихово, Коробовского района, Московской области, и посмотреть, что это за школа и что поделявают ребята, которые в ней учатся.

1. Весело звенит звонок, созывая ребят в классы к началу урока. Важная обязанность оповещать о начале и конце перемен возложена в этой школе на дежурных. Посмотрите на фотографию: с каким удовольствием Маруся Бычкова созывает ребят на урок. Так и думается, что она сейчас скажет словами известной песенки из «Первоклассницы»:

— Я дежурная, самая дежурная, главная дежурная!

Можете быть уверены: здесь звонок всегда раздаётся во-время, ни на минуту раньше, ни на ми-

нуту позднее. Впрочем, вы сейчас увидите, что не только эту свою обязанность учащиеся самойлиховской начальной школы выполняют с великим усердием и любовью.

2. Школьный коридор... но, пожалуй, он больше похож на сад, а не на коридор. Все эти пышные растения, раскинувшие свои зелёные ветви, словно в настоящем саду или оранжерее, выращены ребятами. Такой уж здесь обычай, и он переходит от поколения к поколению школьников. Видно сразу, что зелёным питомцам неплохо живётся в этой школе. Уже давно окончили её те, кто посадил маленькие черенки в вазоны, но растения не зачахли, не остались брошенными на произвол судьбы... Из года в год о них заботились те, кто сел за школьные парты на место окончивших школу. И попрежнему расцветают китайские розы, попрежнему буйно вьётся плющ, гонят свои могучие листья фикусы и кудрявятся перистые пальмы. А в маленьких вазонах уже прижились новые черенки, посаженные руками сегодняшних школьников.

3. Уроки окончены. Хорошо убежать на лыжах в лес, где дремлют ёлки, растопырив зелёные пальцы в снежных перчатках; хорошо слышать скрип чистого снега под ногами; хорошо чувствовать, как горят щёки от весёлого морозца. Звонкий стук раздаётся в притихшем зимнем лесу. Сергей Светлов, Вася Кошаев и Витя Воронцов остановились и прислушались: это дятел! Где же он? Долго надо стоять тихо, чтобы увидеть хлопотливую лесного кузнеца в алой шапочке и пёстром плаще.

— Вон, гляди. Видишь: по стволу берёзы ползает, из-под коры личинок выдалбливает!

После весёлой лыжной прогулки Витя Воронцов снова возвращается в школу. Витя — отличник, а у его друга Вити Щетилова нелады с математикой. Вернее, были нелады, пока Витя Воронцов не стал помогать своему другу. Отдохнув, друзья забираются в опустевший класс и начинают заниматься. Витя Щетилов у доски решает задачи, Витя Воронцов следит, готовый прийти на помощь, объяснить, исправить ошибку друга.

4. Люся Штыкова и Нина Белогубова, пионерки третьего звена первого отряда, катят санки по тихой улице родного села. Скрипят полозья, ящик, прилаженный к санкам, становится тяжелее от дома к дому — в нём всё прибавляется зола. Вот санки свернули во двор к Люсе. Она собрала около трёх ведер золы, ящик сразу наполнился до краёв. Придётся теперь ехать к колхозному сараю разгружать санки. Люсины мама, Ирина Николаевна,

бригадир свещеводческой бригады, ласково провожает дочку с подругой:

— Спасибо, девочки! Стараюсь для колхозного урожая. Вот это по-пионерски!

В то время как третье звено собирает золу, второе звено работает на школьном дворе. Звонко поёт пила на морозном воздухе, быстро растёт аккуратная поленица дров. Будет тепло в родной школе.

5. Позади школы раскинулся молодой сад. Тоненькие и стройные яблоньки, вишни, груши, сливы тихо стоят, погружённые в зимний сон. Но тишина раскололась весёлым смехом, звонкими голосами, скрипом шагов. Первое звено пришло сюда работать.

Валя Бугрова и Ваня Крылов, вооружённые лопатами, заваливают снегом молодые яблоньки, укрывают их от мороза. Остальные пионеры ходят от деревца к деревцу и снимают с веток неопавшие сухие листья. Свёрнутые в трубочку, они хитро приклеились паутиной к веткам. Это колыбельки, в которых зимуют куколки вредителей сада, и пионеры первого звена уничтожают сухие листья, а вместе с ними и куколок.

Вот что рассказывают эти пять фотографий о жизни пионеров села Самойлихово. Но каждая фотография имеет своё

продолжение, которого не мог передать вам объектив фотоаппарата.

В чистых горницах колхозных домов зеленеют в кадках красивые цветы. Вы, конечно, догадываетесь: это опять ребята. Им мало того, что школа похожа на сад. Они хотят, чтобы красиво и уютно было в каждом доме родного колхоза.

Недалеко от села районная больница. Ни зелени, ни сада при ней не было. А между тем как нужен сад для выздоравливающих, тех, кому врач разрешил выходить на воздух! Об этом говорил ребятам директор школы Иван Андреевич Соловь-

ёв. И вот появился сад. У больницы встали рядами молоденькие саженцы яблонь, груш, вишен, слив. Но почему, когда саженцы принялись, главный врач больницы Евгений Алексеевич Беляев первым делом поспешил сообщить эту новость в школу? Ну, конечно, потому, что ребята отобрали для сада лучшие саженцы из своего питомника.

За свою работу по цветоводству и садоводству юные мичуринцы самойлиховской школы выдвинуты кандидатами на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Окончив школу, став взрослыми, люди тепло, с нежностью вспоминают о ней и, попав в родные места, никогда не забывают заглянуть в милую старую школу, повидать своих учителей. Если бы в самойлиховскую школу вдруг в один день пришли её бывшие питомцы, оказалось бы, что здесь собрался почти весь колхоз. Здесь училась Мария Петровна Биткова, которая, став учительницей, вернулась работать в свою школу. Заведующий сельским магазином тоже сидел за партой в этой школе, и заведующий самойлиховской избой-читальней, и агроном колхоза, и многие бригадиры, конюхи, доярки когда-то, в красных галстуках, вихрастые и с косичками, учились в этой школе, сажали цветы и яблони, собирали золу...

Это школа дала им первые уроки трудолюбия, дружбы, стремления к общему благу.

ОБСУЖДЕНИЕ ДВОЙКИ.

С. Григорьев.

ЮНЫЕ ФИГУРИСТКИ.

Н. Сергеева.

Ребята! Тает снег, наступает весна! Пора начинать строить и ремонтировать спортивные площадки во дворах и при школах. Каждая дружина может это сделать своими силами. И если вы дружно возьмётесь за работу, времени она займёт немного. А как хорошо заниматься спортом, играть, отдыхать от занятий на своей спортивной площадке!

Не теряйте времени, с первыми весенними днями выходите на стройку.

ЗАХОТЕЛИ—СДЕЛАЛИ

В нашей школе все ребята очень любят спорт и особенно футбол. Раньше мы целые дни гоняли мяч и воображали, что тренируемся. Но хороших спортсменов у нас в школе не было. Мы не могли выставить на районные соревнования ни одной команды.

Всех ребят это очень волновало. Однажды, когда наш актив собрался в пионерской комнате, мы серьёзно заговорили о спорте.

— Заниматься нам негде, вот что, — хмуро говорил Юра Воробьёв. — Площадки нет.

— Площадку построить можно, — сказал Саша Собинов.

— Где?

— На пустыре, возле школы.

— Что ты, этот пустырь год расчищать надо!

Все призадумались. На пустыре были глубокие ямы и лежали груды мусора и шлака. А больших, сильных ребят, комсомольцев не было. Школа у нас семилетняя, а тогда она только что организовалась и даже седьмых классов у нас ещё не было.

— А может, всё-таки попробуем? — настаивал Саша.

Сначала только несколько пионеров согласились с ним, потом число наших сторонников стало увеличиваться, и наконец все твёрдо решили: будем строить.

Директор нашей школы Мария Ники-

тична Думчева поддержала нас и обещала помочь.

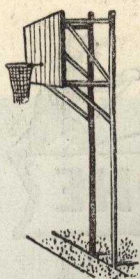
В воскресенье всей дружиной мы пришли на пустырь. Из дому принесли лопаты, грабли, ломы, вёдра и деревянные носилки, которые смастерили заранее. Учителя пришли вместе с нами и помогли нам правильно организовать работу. Мы разбились на бригады. Сильные ребята были на трудных участках, а младшие только помогали. Я стоял в цепочке, которая выстроилась между кучей шлака и самой большой ямой. Несколько ребят наполняли шлаком вёдра и по цепочке передавали их нам, а мы — тем, кто стоял

Из Записной книжки вожатого звена

*Подготовить для
строительства спорт-
площадки нужный
инструмент и мате-
риалы*

*Пригласить на сбор
звена лучших спортс-
менов школы. Пусть
расскажут, как они
тренируются
в „межсезонье“*

*Начать готовиться
к сдаче летних норм
БГТО.*

около ямы. Там шлак высыпали, и пустые вёдра двигались по конвейеру обратно. Работа была нетрудной, мы работали быстро. Но, когда мы оглянулись после окончания работы, оказалось, что осталось работы еще немало.

Мы работали ещё несколько дней. От груд мусора и шлака не осталось следа, ямы сровнялись с землёй. Но одна, самая большая яма, всё ещё была не засыпана.

— Что она, бездонная, что ли? — удивлялись мы.

Некоторым нашим ребятам даже надоело работать, и они стали говорить, что всё равно у нас ничего не получится.

Тогда совет дружины повесил в школе большой плакат. На нём был нарисован прекрасный стадион с площадкой для спортивных игр и беговой дорожкой. Под рисунком была подпись: «Такой будет наша площадка».

И все опять загорелись: очень захотелось поскорее построить свой стадион!

В следующее воскресенье мы засыпали злополучную яму и разровняли площадку. Потом с помощью взрослых установили столбы для баскетбольных щитов и для

волейбольной сетки, сколотили футбольные ворота.

Площадка может по нашему желанию превратиться и в футбольное поле и в баскетбольную или волейбольную площадку. Вокруг стадиона мы проложили беговую дорожку. Потом установили бревно для упражнения в равновесии, перекладину, стойки для прыжков и даже скамейки для зрителей. В день открытия стадиона мы устроили большой спортивный праздник.

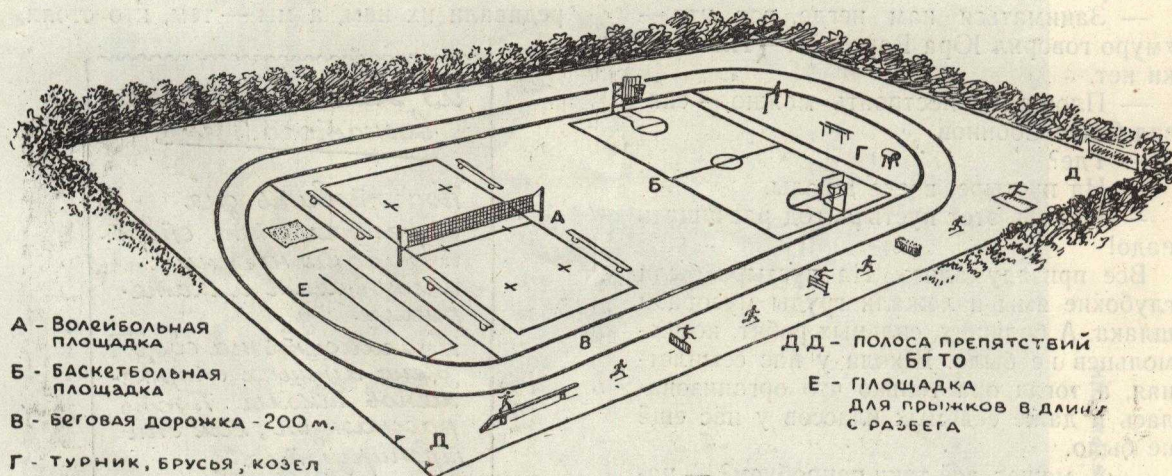
С тех пор прошло два года. И зимой и летом мы тренируемся на нашем стадионе, проводим состязания, сдачу норм БГТО, игры. Сейчас наша дружина уже начала готовиться к весне. Как только наступят тёплые дни, мы отремонтируем беговую дорожку, площадку для спортивных игр и оборудуем полосу препятствий.

За победу в спортивных играх на районных соревнованиях мы получили за эти два года три приза. Мы постараемся и в этом году не отстать от других школ.

Веня Шубочкин,
председатель совета дружины

Витя Сенин,
председатель совета физкультурного коллектива

Школьный стадион

А - Волейбольная площадка

Б - Баскетбольная площадка

В - Беговая дорожка - 200 м.

Г - турник, бруссы, козел

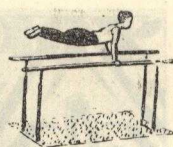
Д Д - ПОЛОСА ПРЯПЯТСТВИЙ БГТО

Е - ПЛОЩАДКА для прыжков в длину с разбега

На этом рисунке изображён примерный план стадиона, который пионерская дружина может пострить своими силами. Для планирования участка проведите вдоль него прямую линию так, чтобы она разделила площадку пополам. На ней отметьте две точки в 60 метрах друг от друга. Из

этих точек проведите полуокружности радиусом в 12,5 метра. Соединив край полуокружностей прямыми линиями, вы получите внутреннюю бровку беговой дорожки. Параллельно ей на расстоянии в 3 метра проведите наружную бровку. После этого дорожку надо расчистить. Если она покрыта травой, снимите дерн. Поверхность дорожки должна быть ровной и хорошо утрамбованной. На больших стадионах дорожку уплотняют с помощью тяжёлого катка. Вам вряд ли удастся достать такой каток. Но вы сами можете сделать для уплотнения земли трамбовку. Для этого отпилите от толстого бревна «кругляк» и к верхнему его срезу прибейте горизонтально палку. Концы её будут служить ручками, за которые вы будете поднимать и опускать кругляк, утрамбовывая землю.

Когда дорожка будет готова, разведите в воде мел и нанесите линии старта и финиша.

На нашем рисунке в левом секторе стадиона расположена площадка для прыжков. На ней нужно выкопать ямы размером 5×3 метра. Глубина их должна быть примерно 40 сантиметров. До самого верха засыпьте их песком, смешанным с опилками. Песку надо брать в два раза больше, чем опилок.

На другом конце нашего стадиона расположен гимнастический городок. Все снаряды, которые там нарисованы, вы можете построить сами. Какими снарядами оборудовать полосу препятствий, видно на рисунке.

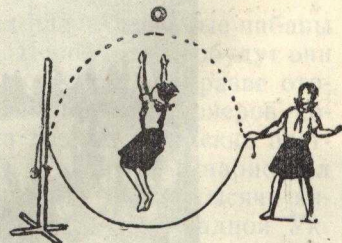
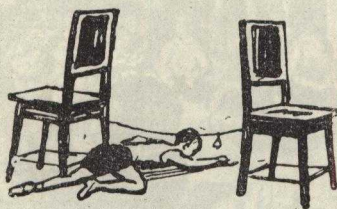
Если форма и размеры вашего участка не позволят распланировать площадку так, как показано на нашем рисунке, расположите её по-другому, как вам будет удобнее. Но не забывайте, что дистанция для бега на 60 метров должна проходить по прямой, а полосу препятствий необходимо устроить длиной в 100 метров.

На таком стадионе вы сможете проводить спортивные состязания и сдавать почти все нормы на значок БГТО.

Более подробно о строительстве спортивных площадок вы сможете прочитать в книгах «Физкультура — школьнику» (изд. «Молодая гвардия», 1949 г.), В. Поликарпов «Спортивный инвентарь и площадки для школьников» (изд. «Физкультура и спорт», 1947 г.), В. Поликарпов «Спортивная площадка в колхозе» (изд. «Молодая гвардия», 1950 г.), «Строительство спортплощадок при школах», 1950 г.

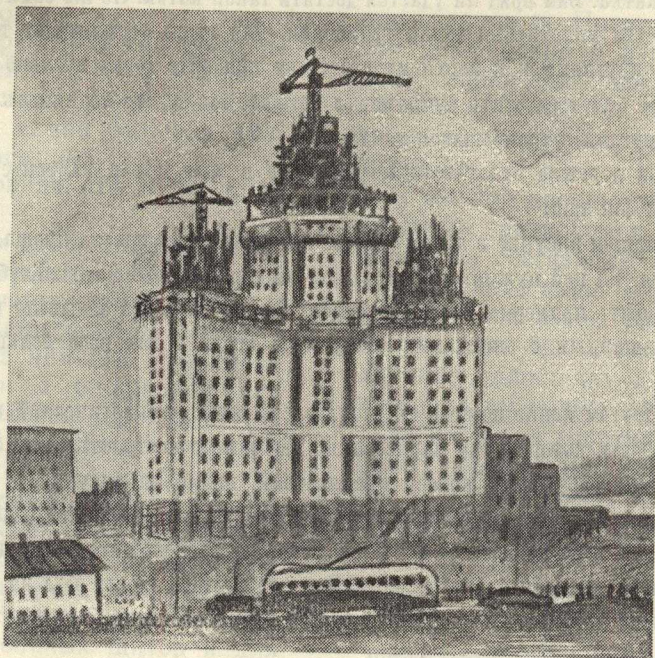
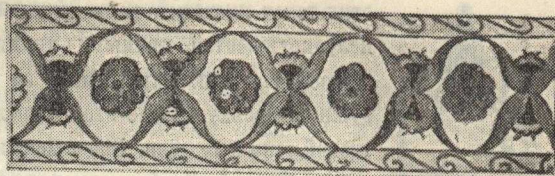
Сумеешь ли ты?

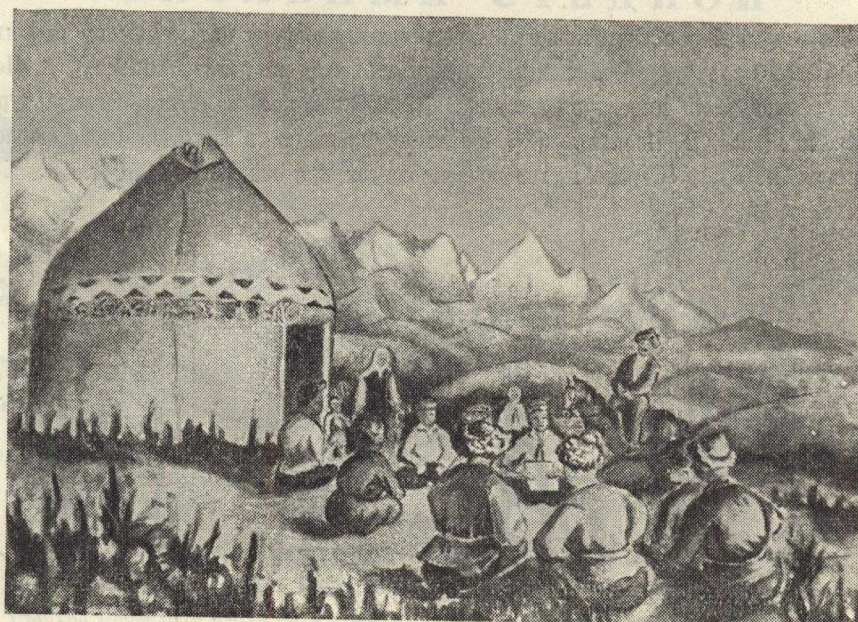
Прыгни, не задев верхнюю и нижнюю веревки.

Проползи под верёвкой так, чтобы не зазвенел колокольчик.

Прыгая через верёвку, подбрось и поймай мяч.

«Высотное здание». Рисунок Юры Машкова, город Москва.

«Пионеры у чабанов».

Рисунок Володи Салимахина, город Алма-Ата.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ РИСУНКИ

Необычно выглядит фойе Центрального детского театра. Картины и рисунки покрывают сверху донизу стены и большие стенды, которые расставлены посреди зала. Над стендами и над рисунками по стенам таблички: РСФСР, Киргизия, Украина, Латвия, Казахстан, — а надо всем длинное красное полотнище с надписью «Пятая Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей».

Эти рисунки побывали на районных, областных, республиканских выставках, и лучшие из лучших приехали в Москву.

Очень интересно ходить по выставке и рассматривать работы юных художников. Живыми красками сверкает и переливается в них вся светлая и прекрасная жизнь страны, всё, что любит, чем волнуется, чем дорожит советский человек.

Как много здесь картин о жизни товарища Сталина! И грузинские, и украинские, и русские, и казахские, и литовские школьники посвящают этой теме свои работы.

Вот мальчик Сосо сидит на камне в тени. В руках у него книга. Он оторвался от неё, задумался, взгляд его устремлён на зелёные поля и горные склоны родной Грузии.

Вот маленькая бедная комната. Лампа бросает скупой свет из-под абажура. Екатерина Георгиевна Джугашвили слушает мальчика, который горячо говорит ей что-то. У неё усталое лицо. Но это лицо освещено радостью: какое счастье вырастить такого сына!

Большая, торжественная и холодная комната. За столом люди в мундирах. У них строгие лица. Перед столом юноша, почти подросток. Один из сидящих за столом держит в протянутой руке книгу. Это экзамен? Так можно было бы подумать, если бы раздражение и досада не были написаны на лицах спрашивающих, если бы бесстрашие, вызов, гнев не сквозили и в позе, и в жесте, и в гордо поднятой голове мальчика. Нет, это не экзамен! Конечно же, это допрос, а книга в руках ректора — нелегальная революционная книга,

которую нашли у воспитанника семинарии Иосифа Джугашвили...

Таёжная глушь. Глубокий снег. Мохнатые ели в белых пушистых шапках. По колёну в снегу идёт человек. Ушанка обрамляет молодое решительное лицо. Узнаёшь его сразу: это Сталин. Картина изображает один из многочисленных героических эпизодов в жизни великого революционера — побег из ссылки.

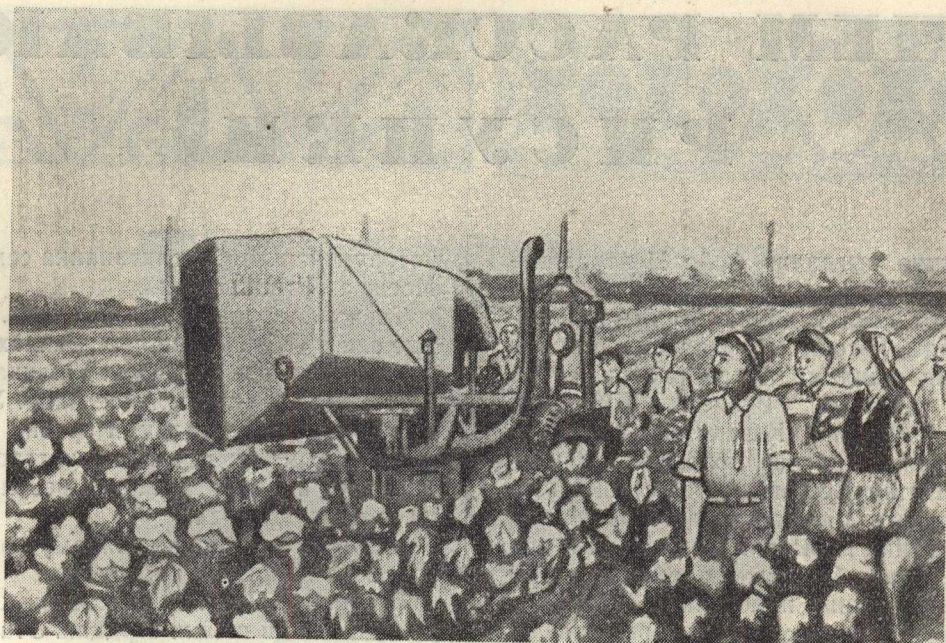
Как много любви к великому вождю народов во всех этих рисунках!

Любовь к Сталину и любовь к Родине неотделимы в наших сердцах. Эта любовь видна во всех картинах. Ребята изображают величие строек коммунизма, красоту обновлённой земли и вдохновенность народного труда. Вот хлопковый комбайн работает в поле, вот вздымаются краны-великаны и экскаваторы роют землю. Вот высотное здание, вознёсшее к солнцу стройный и лёгкий свой силуэт. Вот новая площадь. А вот нефтяные промыслы, словно небывалый, сказочный лес, где вместо сосен и елей — кружевные вышки буровых скважен.

С увлечением показывают ребята в своих рисунках дружбу и единение советских людей, их стремление к общей великой цели.

В украинский колхоз приехали гости — колхозники Закарпатья. Мальчик из города Станислава нарисовал и кудрявый зелёный сад, и гуцулов в цветистых, узорно вышитых нарядах, и уставленные обильными яствами столы в тени яблонь, и гостеприимных хозяев, творцов этого изобилия.

Высоко в горах пасут отважные чабаны колхозные стада. Целое лето пробудут они вдали от населённых мест. Но разве оторваны они от родного села? Пионеров, которые пришли на горные казахские пастбища навестить чабанов, нарисовал алма-атинский школьник, а за тысячи километров от Алма-Аты, в Западной Украине, другой мальчик нарисовал агитатора, читающего чабанам газету на карпатских высокогорных лугах.

«Сбор хлопка машиной».

Рисунок Вити Баймеева, город Ташкент.

«Чоганбурти».

Рисунок А. Туладзе, город Тбилиси.

«Утро Октября».

Рисунок Юрия Сотникова, город Рига.

«Отряд добровольцев».

Рисунок Бори Чиликова, город Москва

Во всех уголках Родины самоотверженно и с любовью трудится советский человек, окружённый вниманием и почётом, и ребята посвящают этой трудовой дружбе свои рисунки.

Советский народ любит работать и умеет веселиться. Радостью и весельем веет от картин, в которых ребята изобразили праздники нашей страны. Яркие, осенённые знамёнами, ряды демонстрантов в картине «Праздник Октября». Торжественно и прекрасно оплетённое лучами прожекторов, сверкающее созвездиями ракет ночное небо в картине «Праздник».

И ёлка на льду, сияющая огнями, окружённая хороводом карнавальных масок, и олимпиада народного творчества удивительно хорошо передают безоблачное веселье и жизнерадостность советских праздников. Все эти рисунки поражают каким-то особенным песенным и ярким настроением. А вот рисунок пятнадцатилетнего тбилисского школьника А. Туладзе «Чоганбурти» — грузинская народная игра в мяч. Сколько силы, движения и красоты в быстрых, легконогих конях! Как смелые, ловкие и прекрасные всадники, словно составляющие с конём одно целое!

Глядя на этот рисунок, чувствуешь красоту и удачу народной игры.

Каждая картина на первый взгляд кажется неоконченным рассказом: из длинной подвижной цепи событий художник запечатлевает только одно мгновение. Что было до этого мгновения, что будет за ним, зритель не видит. Но он всегда угадывает это, если картина хороша.

Рисунок Юрия Сотникова, школьника из Риги, называется «Утро Октября». Тема праздника решена здесь совсем необычно. Ни знамён, ни оркестров, ни цветов, ни жизнерадостных демонстрантов нет на этом рисунке. Тиха и безлюдна улица, не испятан снег на мостовой. Только алые флаги свисают с деревьев, прикреплённых к стенам. И всё же праздник уже здесь. Может быть, первая праздничная колонна уже тут, за углом, и через минуту тихую улицу разбудят шаги идущих под красными знамёнами людей. А пока всё тихо и безлюдно. Каждый знает такую улицу, и каждого охватывало праздничное на-

строение, когда утром, одеваясь, он бросал торопливый взгляд в окно и видел алые флаги у ворот и подъездов.

Тот, кто любит нашу счастливую жизнь, любит мир и хочет мира. Вот картины детей, посвящённые большой теме — «Мир»: «Вахта мира», «Праздник мира», «В защиту мира»...

Ребята видят силу и решимость отцов и матерей бороться против войны. Эту решимость они показывают в своих картинах. И в той, где комбайнер, отбывая вахту мира, ведёт свою машину среди пшеничного моря, и в той, где на вахте мира стоят рабочие у мартена, и в той, где они, суровые и твёрдые, один за другим подходят к белому листку, чтобы поставить свою подпись под Стокгольмским Воззванием.

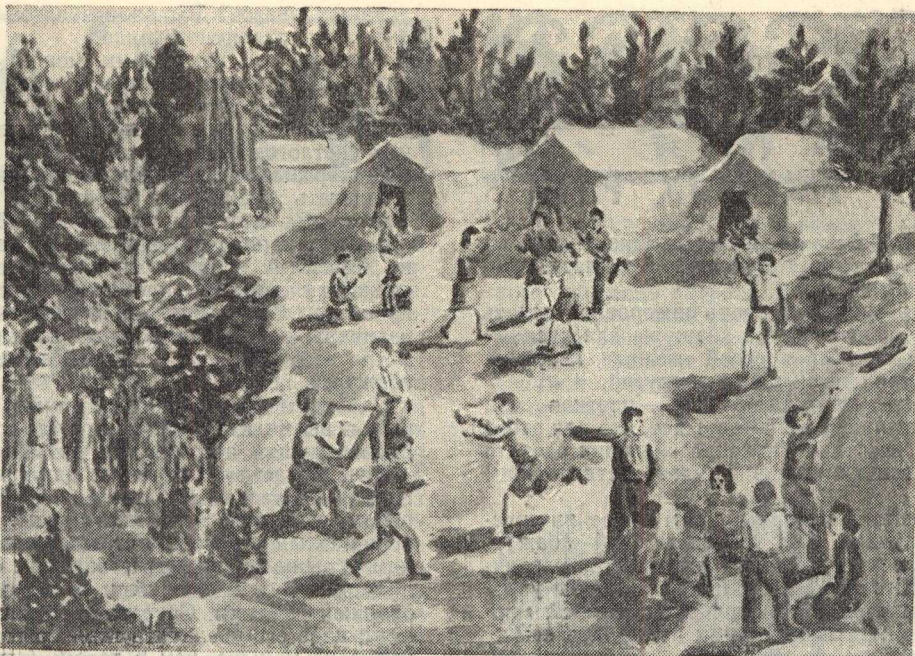
На рисунке «Первое слово» маленькая школьница выводит на классной доске первое слово, которое только что выучилась писать. Это слово — «Мир».

Вера в победу правого дела, горячая любовь к борцам за него видна в картинах, изображающих героическую борьбу корейского народа с американскими убийцами-интервентами.

Есть на выставке стенд, у которого каждый стоит подолгу, возвращается к нему ещё несколько раз и отходит с ласковой улыбкой. Это стенд самых маленьких художников, которым всего пять, шесть, семь лет. Они с увлечением изображают сказки. Их рисунки «Морозко», «Гуси-лебеди», «Крошечка-хаврошечка» так же фантастичны и красивы, как сами народные сказки. А там, где малыши рисуют не сказку, а жизнь, которая их окружает, видно, что сама их жизнь — прекрасная сказка. Сказочна «Яблоня в цвету», которую нарисовала семилетняя москвичка Таня Матросова, сказочны и колючие, как ежи, гигантские колосья на «Ржаном поле» шестилетней Раи Конюшковой.

Ясно, безоблачно детство и Раи, и Тани, и всех наших ребят. Озарённое светом сталинской заботы, оно действительно ярко и празднично, как сказка.

Е. Рубцова

«Пионерский лагерь».

Рисунок Алика Алояна, город Ереван.

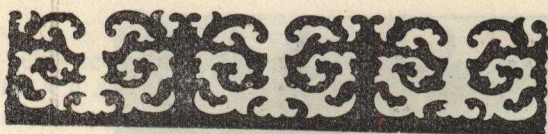

«К сказке «Морозко».

Рисунок Эллы Пучиной, город Москва.

Все помещённые тут орнаменты нарисовали Вася Супруженко и Ваня Линник. Днепропетровская область.

ДЛЯ УМЕЛЫХ РУК

Удобный абажур бережет зрение, а если он к тому же красив, то украшает комнату, придаёт ей уютный вид.

Не очень трудно и очень интересно сделать своими руками красивые абажуры для висячих и настольных ламп в своей комнате, квартире или в подарок кому-либо из друзей.

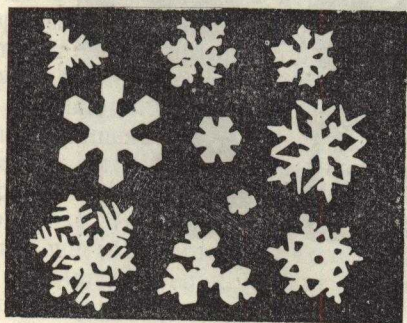
Проволока, плотная бумага — цветная или белая, — ножницы, клей — вот всё, что для этого требуется, не считая, конечно, желания сделать красивую вещь и доставить удовольствие своим близким.

Самое важное и вместе с тем самое интересное — придумать, как украсить свой абажур. Мы попросили художника нарисовать различные узоры и показать различные способы украшения абажуров. Но, конечно, это не всё; многое вы сможете изобрести и придумать сами.

Вот, например, на четвёртой странице обложки изображён абажур, который, наверно, придётся по вкусу ребятам, увлекающимся географией. На карте земного шара показан путь корабля «Надежда», на котором русский мореплаватель Иван Фёдорович Крузенштерн совершил своё кругосветное путешествие.

На таком «географическом» абажуре можно нарисовать маршруты и других путешествий, показать путь и Миклухо-Маклая и Беллинсгаузена, и Седова, и Афанасия Никитина, и Беринга, и папанинцев.

А можно украсить абажур засушенными цветами листьями и травами, расположив их красивым узором и заклеив между двумя листами полупрозрачной бумаги.

В сокровищнице природы запасены и другие украшения. Кто из вас не любовался изяществом и совершенством формы снежинок, кто не удивлялся разнообразию этих крохотных

ледяных цветов? Вы видите здесь на рисунке снежинки различного вида.

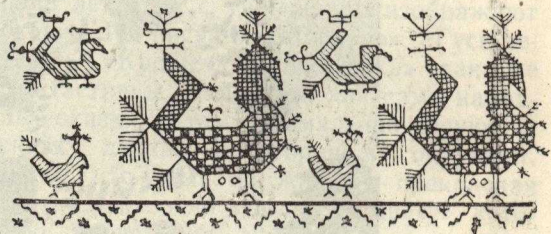
Абажур со снежинками можно сделать из двух слоёв бумаги. На верхнем, тёмносером слое вырезаются тонким ножом или ножницами отверстия в форме снежинок, нижний — белый или светлоголубой. Места, которые приходятся под вырезом, можно, слегка смочив молоком, присыпать снежными блёстками, употребляемыми для ёлочных украшений. Это придаёт абажуру нарядный вид днём, когда лампа не горит. А вечером, при зажжённой лампе, снежинки светятся, и абажур становится ещё красивее. Снежинки должны быть различной величины — от диаметра двугривенного до диаметра чайной чашки — и разбросаны по всему абажуру.

На одном из рисунков, которые здесь помещены, вы видите рыбок; их хорошо поместить на небольшой абажур для настольной лампы.

Неисчерпаемый источник для украшения — народные узоры и орнаменты. На рисунке вверху вы видите казахский орнамент. Здесь он чёрно-белый, но можно его нарисовать яркими с рыже-коричневым, зелёным с красным, лимонно-жёлтым с голубым тёмнокоричневым с оранжево-жёлтым. Срисовывая казахский орнамент, надо его увеличить так, чтобы получилась кайма не меньше, чем в ладонь шириной. Увеличивать легче всего по клеточкам.

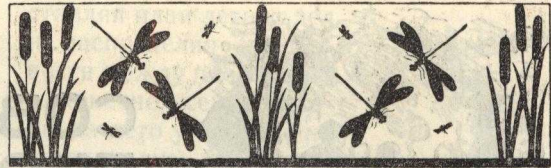
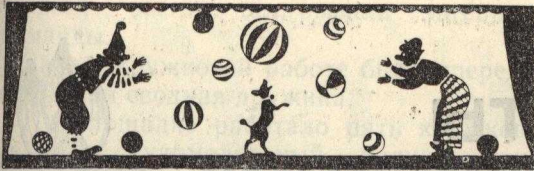

Не менее красиво будет выглядеть абажур, украшенный силуэтами оленей. Эти олени взяты с изображений, сделанных художниками ненецкого народа.

Орнамент из петушков тоже северного происхождения. Он взят с тонких поморских вышивок, знаменитых своими «петушками», «павами», «олениками». Украинские узоры для вышивки крестом, узоры для плетения кружев, узоры с ковров — всё это вы можете использовать для своего абажура.

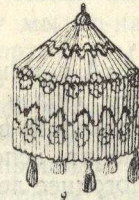
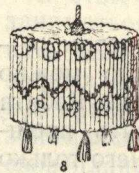

А вот украшения в другом роде. Посмотрите на рисунок, где изображён силуэтами весёлый цирк. Вашим младшим братьям и сёстрам, наверное, понравится такой рисунок на абажуре. Те, кто сам рисует, могут вместо цирка изобразить героев басен Крылова или сцены из волшебных сказок.

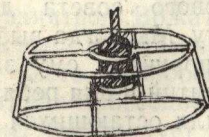
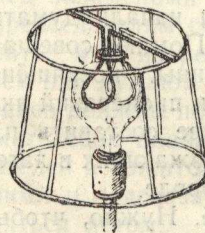
На рисунках 1, 2, 3, 4 показаны различные формы абажуров для настольных ламп. Для первого и второго делаются два проволочных круга. Полоса плотной бумаги, предварительно разрисованная по вашему желанию, пришивается шёлковой ниткой крупными стежками через край к нижнему кругу, а к верхнему одновременно с полосой пришивается таким же образом и круг, образующий верх. Тот же способ годится и для абажура, показанного на рисунке 2, только здесь верхний и нижний круги разного диаметра; это даёт форму усечённого конуса. На рисунках 3 и 4 — абажуры, напоминающие колокольчики. Каждый лепесток прикрепляется к каркасу отдельно, а потом они соединяются с верхом и друг с другом. Рисунки 5, 6, 7 помогут вам выбрать форму абажура для висячей лампы. Самый простой из них на рисунке 6. У него только внизу пришит проволочный круг, бумага склеена или сшита в виде конуса, наверху хорошо изнутри сделать вкладку из эластичного картона для прочности. Для этого абажура очень подходят

месте поперечного сгиба каждую складку. Затем вы склеиваете гармошку в виде цилиндра. Продёргиваете ниткой с одного края и стягиваете её выше патрона. Если нитка продёрнута на более короткой стороне гармошки, получится висячий абажур с плоским верхом, как на рисунке 8. Если же нитка продёрнута с края на длинной стороне, получится абажур с коническим верхом, как на рисунке 9.

Стянув ниточкой оба края, вы можете сделать абажур фонариком (рисунок 10).

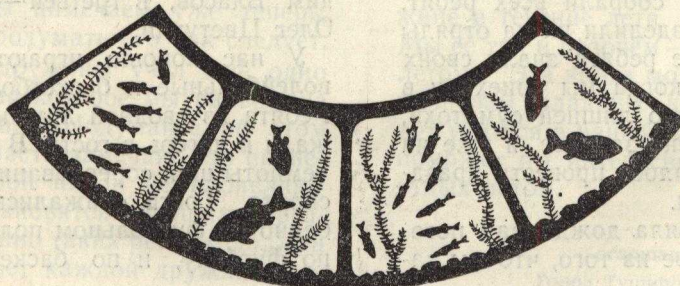
На настольной лампе абажуры обычно держатся с помощью круга, припаянного к её ножке. Но если у вас лампа без круга, надо устроить приспособление, как показано здесь на рисунке.

снежинки или листья. Рисунки 8, 9, 10 показывают, как сделать абажур гармошкой, совсем без проволоки.

Предварительно разрисованную бумагу сгибаете пополам или в соотношении 2:3, складываете гармошкой, а потом расправляете в

Это вроде пружинящих щипцов, которые надеваются прямо на лампочку и плотно охватывают её. Их нужно сделать из более упругой проволоки, а каркас — из более мягкой. Как идут проволоки держателя, вы можете проследить на рисунке.

СОВЕТЫ ПИОНЕРСКОМУ АКТИВУ

НАШИ ПЛАНЫ НА ЛЕТО

«А помнишь, летом...» — эту фразу часто можно услышать в школе. Ребята любят вспоминать прошлогоднее лето. Чего только тогда у нас не было! И костры, и походы, и спортивные соревнования, и костюмированный бал... Но обо всём надо рассказать по порядку.

Дело в том, что пионеры нашей школы проводят лето вместе с ребятами ещё двух школ города. И не только в лагере, но и в городе, в сводной пионерской дружине.

В прошлом году мы начали думать о лете ранней весной. Помню совещание первого совета дружины, посвящённое лету. Мы тогда выбрали пионерский актив и поручили ему заранее составить план занятий и для ребят, уезжающих в лагерь, и для остающихся в городе.

Но это было не всё. Нужно, чтобы и две другие школы выбрали такой актив. И вот совет дружины отправился в эти школы. Мы расспросили преподавателей и старших пионервожатых, кто из комсомольцев будет назначен вожатыми отрядов и какие пионеры станут звеньевыми. Перед отъездом мы собрали всех ребят, едущих в лагерь, разделили их на отряды и звенья. Теперь все ребята знали своих вожатых. Поэтому, когда мы приехали в лагерь, у нас не было лишней суматохи, всё было подготовлено заранее, и уже на второй день нам удалось провести праздник открытия лагеря.

Прошлом лето стояла дождливая погода, и в лагере многое из того, что мы за-

думали, вышло не так, как хотелось. Но всё-таки хорошего было много.

В ясные дни мы никогда не сидели в лагере: уходили к реке, на футбольную площадку, в лес. Мы провели двенадцатикилометровый поход с ночёвкой в колхозе и исследовали небольшую реку Синичку, протекающую недалеко от нашего лагеря. Помню, как все этому радовались: ещё никому не приходилось бывать в таком большом походе. А какой концерт мы устроили для колхозников! Весь вечер мы читали стихи, плясали, пели хором. Спали мы на душистом сене в колхозном клубе.

Поход ребятам очень понравился. Многие из них только в этом походе научились разводить костры и варить на них обед... Всем запомнился этот поход.

Но не меньше, пожалуй, запомнились и наши спортивные соревнования. В лагере в пасмурную погоду мы часто устраивали шахматные чемпионаты. Борьба всегда была острой, и до последней минуты трудно было сказать, кто возьмёт первенство. В первой смене абсолютным чемпионом был Вадим Власов, в третьей — Олег Цветухин.

У нас хорошо играют волейбольные и баскетбольные команды. Ребята из сводной дружины часто приезжали в лагерь в гости. В те дни с утра до темноты шли соревнования по всем видам спорта. Гости сражались отчаянно, особенно на футбольном поле. Но всё-таки и по футболу, и по баскетболу, и по во-

лейболу всегда выигрывали лагерные команды.

Зато в кружковой работе была впереди городская сводная дружина.

На площадке работало пять кружков: авиа- и судомодельный, радиокружок, переплётный и кружок рукоделия. Ребята многому научились в этих кружках. В кружке по радио занималось двадцать человек. Каждый из них теперь самостоятельно сумеет сделать простой радиоприёмник. Переплётчики привели в порядок книги заводской библиотеки. Настоящую выставку своих работ устроили вышивальщицы.

Но особенно гордимся мы нашими авиамоделистами. Они принимали участие во всесоюзных авиамодельных соревнованиях. По Московской области наши

пионеры заняли первое место, а по Союзу — третье. На соревнованиях ученик нашей школы Евгений Шанин установил новый всесоюзный рекорд на продолжительность полёта модели, и ему была вручена золотая медаль.

Лёня Посошенко — он оставался на одну смену в городе — с восторгом рассказывал мне однажды, как ребята ездили в деревню Шукино к одному старому мастеру — резчику по дереву.

— Это замечательный человек! — говорил он. — У него золотые руки. Какие чудесные узоры вырезает он на вазочках, чашках, ложках! У него есть резные шкапулки с рисунками по мотивам басен Крылова. Он обещал научить нас своему мастерству.

И уже без всякого восторга Лёня добавил, что они собирались ещё раз съездить к резчику, да так и не собрались.

Вообще мы часто многое откладываем на «потом» и забываем об этом. В это лето мы постараемся ничего не откладывать, и план мы намечаем уже теперь, чтобы заранее продумать его как следует.

Совет нашей дружины учёл ещё одно обстоятельство, на которое мы раньше не обращали внимания. Подумайте об этом и вы, ребята. Я часто замечаю, что пионеры, которые зимой никак не проявляют себя, в лагере становятся хорошими организаторами. Именно таких ребят и должен иметь в виду совет каждой дружины, со-

ставляя план летних дел и распределяя обязанности между пионерами.

Конечно, сейчас планы на лето у нас ещё не установились, но когда разговоришься с ребятами, многие уже мечтают о лете и предлагают интересные дела. Члены совета дружины всё записывают. Некоторые, например, хотят изучить историю нашего города и района. Ведь вокруг нас так много интересных и значительных исторических мест: Покровское-Глебово, Покровское-Стрешнево, Кусково, Канал имени Москвы.

В этом году мы по-настоящему будем заниматься спортом. Мы хотим организовать несколько спортивных секций, чтобы занимались все: и мальчики, и девочки, и старшие ребята, и малыши. У тех, кто занимался в прошлом году в кружках, свои планы: радисты мечтают сделать телевизор, конструкторы — действующий макет электростанции, авиамоделисты — новые модели. Есть и такие ребята, которые уедут отдыхать с родными в деревню. У них определённых планов нет. Но мы хотим, чтобы эти ребята не отрывались от своих товарищей. Дружина летом должна жить так же сплочённо, как и зимой. Поэтому совет нашей дружины ещё перед экзаменами даст вожатым звеньев и председателям советов отрядов задание узнать, кто из ребят поедет в деревню и чем они думают там заняться. Вожатые звеньев должны помочь этим ребятам продумать свои планы на лето, попросить учителей и вожатого отряда побеседовать с ними и подсказать им, чем следует заниматься летом.

И ещё мы хотим завести в этом году книгу-дневник. В ней мы будем записывать самое интересное из того, что будет в дружине в течение лета.

Мы её так и назовём — «В нашей дружине летом». Эта книга может принести пользу пионерам младших классов и тем, кто будет учиться в нашей школе после нас. Она поможет им интересно организовать свой отдых летом.

А. Стёпушкина,

старшая вожатая школы № 1.
Город Тушино, Московской области.

НА СТАЛЬНЫХ ПУТЯХ

Вот какой был однажды случай.

Дежурный по железнодорожной станции получил сообщение: через минуту к платформе подойдёт пассажирский поезд. А на путях стоял запасной состав.

Чтобы убрать вагоны с пути, надо три минуты. Значит, придётся на две минуты задержать подходящий к станции поезд у светофора входной стрелки.

Дежурный взглянул на план путей, который у него всегда перед глазами. На этом плане установлены маленькие светофоры-повторители. Они показывают, какие сигналы светятся сейчас на больших светофорах на путях. Входной светофор горел красным светом: путь был закрыт. Дежурный отдал распоряжение — убрать вагоны запасного состава.

Над деревьями появился дымок паровоза. Сейчас покажется поезд. Из-за поворота уже слышно, как пыхтит паровоз. Почему же машинист, видя красный сигнал, не сбавляет хода?

Дежурный выглянул в окно и побледнел. Поезд мчится на всех парах. Вот он уже проскочил светофор... Сейчас он врежется в вагоны на путях. Неужели разразится катастрофа?..

Но нет, слышен резкий скрип тормозов, шипение пара. Машинист остановил паровоз в двух метрах от стрелки.

Дежурный выбежал на перрон, подбежал к светофору. На нём ясно светился... жёлтый огонёк! А как же повторитель?

И вдруг дежурный заметил, что от окошка светофора свисает тоненькая бичёвка. Какой-то ребёнок упустил жёлтый воздушный шарик. Ветром шарик отнесло к светофору, и он зацепился под козырьком фонаря. Красный светофор стал жёлтым.

Хорошо, что на железных дорогах предусмотрены и такие случаи. Даже если светофор испортится, машинист всё равно поймёт, что путь занят. Об этом ему скажет указатель на стрелке, и машинист обязательно остановит поезд. Так было и на этот раз...

Случай, о котором здесь рассказано, произошёл на детской железной дороге в пионерском парке города Днепропетровска.

В нашей стране семнадцать детских железных дорог. На них ребята учатся железнодорожному делу, и, как видите, учатся неплохо.

Обо всём этом я прочёл в книге писателя М. Ефетова «Полоса чудес». Прочитав эту интересную книгу, можно узнать, как устроены паровозы и почему их имена состоят из цифр, как строят железные дороги, для чего на насыпи сложена звезда из камней, какие поезда ходили сто лет назад и какие будут ходить через десять лет, кто такой Николай Лунин и почему лучших советских железнодорожников называют «лунинцами».

Каждый день все советские паровозы вместе пробегают около миллиона километров. Это всё равно, как если бы пробежать за день двадцать пять раз вокруг всего земного шара.

СССР — великая железнодорожная держава. У нас столько железных дорог, что, если вытянуть их в одну нить, этой нитью можно было бы три раза обмотать всю землю. Поэтому так важно всем ребятам знать, как устроены железные дороги. Об этом интересно и увлекательно рассказано в книге «Полоса чудес».

А. Дорохов

ПРОЧИТАЙТЕ ЭТИ КНИГИ

«БОЛГАРСКИЕ РАССКАЗЫ»

Неразрывной дружбой связан наш народ с братским болгарским народом, строящим социализм в своей стране. Мы все радуемся его успехам.

Эта книга познакомит вас, ребята, с тяжёлым прошлым и радостным настоящим Болгарии. В ней помещены рассказы лучших болгарских писателей. Герои этих рассказов — болгарские патриоты, самоотверженно боровшиеся в разное время за освобождение своей родины.

В конце XIV века феодальная Турция поработила свободный болгарский народ. Несколько веков жил он в рабстве, но не сдавался. Партизаны-хайдюки уходили в горы и оттуда совершали смелые набеги на турок; в этой борьбе их поддерживал весь народ. Писатель И. Вазов показывает борьбу хайдюков с турками

в рассказах «Болгарка» и «На повороте».

В 1878 году русский народ помог Болгарии освободиться от гнёта турок. Но, изгнав турецких поработителей, болгарский народ не стал свободным: он попал в кабалу к капиталистам и кулакам. Писатель Елин-Пелин в рассказе «Андрешко» показал бесправное положение болгарских крестьян в это время.

Во время второй мировой войны орды немецких фашистов заполонили Болгарию. Многие рассказы этого сборника показывают борьбу болгарского народа с фашистами, помощь болгарских воинов Советской Армии, изгнавшей захватчиков из Болгарии.

Теперь болгарский народ свободен. Счастливых болгарских детей изображает в своём рассказе «Гьошко на празднике» С. Даскалов, писательница Калина-Малина в рассказе «Ударница» показывает рождение нового, социалистического отношения к труду у болгарской работницы.

«ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА»

Посмотрите на карту нашей необъятной Родины, найдите на юго-востоке, за Байкалом, Бурят-Монгольскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Здесь, в этом красивом гористом крае, изрезанном быстро текущими реками, живёт Дондок — герой повести Хоца Намсараева.

Во время Великой Отечественной войны Дондок учился в чет-

вёртом классе. Он был слишком мал, чтобы защищать свою Родину с оружием в руках, но он, как настоящий пионер, всеми силами помогал взрослым: работал на колхозных полях, помогал старому неграмотному пастуху Баранхайю стеречь колхозное стадо, а в свободное время читал ему газеты и рассказывал о том, как героически сражаются наши бойцы и партизаны с фашистами. От него услышал Баранхай о колхознике Фералонте Головатом, построившем на свои средства самолёт для Советской Армии. И Баранхай тоже решил подарить советским воинам самолёт. Его примеру последовали и другие колхозники.

Так юный агитатор помог большому патриотическому делу.

Прочитайте эту книгу, ребята. Познакомьтесь поближе с Дондоском Раднаевым, настоящим пионером.

«Маленькие мстители»

Автор этой книги совсем недавно приехал на свою настоящую родину — в Советскую Армению. До 1946 года он жил в Иране, в стране, где до сих пор помещичьи и кулацкие земли обрабатывают закрепощённые крестьяне, где рабочие живут в беспросветной нищете и работают на хозяина. Дети трудящихся в Иране не учатся: там нет школ для них, с семи-восемью лет работают они в сырых, тёмных подвалах ковровых и табачных фабрик.

Иранский народ угнетают помещики и капиталисты, его разоряют англо-американские империалисты, превратившие Иран в свою

полуколонией. Ованес Гукасян собственными глазами видел тяжёлую жизнь простых людей в Иране, он очень хорошо знает то, о чём пишет, и поэтому его повесть так правдива и убедительна. Герои повести — беспризорные ребята, отданные в рабство хозяину ковровой фабрики. Но эти ребята не покорные рабы. Это «маленькие мстители». Они мужественно борются с теми, кто так жестоко издевается над ними.

О страшной жизни «маленьких мстителей», об их борьбе с угнетателями, об их помощи взрослым борцам за освобождение своей родины рассказывает эта книга.

ОХРАНЯЙТЕ СЕБЯ ОТ ЗАБОЛЕВАНИЯ ГРИППОМ

Некоторые ребята считают грипп пустяковой болезнью и поэтому не стараются от него уберечься. Однако эти ребята неправы.

У своих товарищей или подруг, болевших гриппом, вы можете узнать, что из-за этой болезни они пропустили много уроков, были надолго оторваны от школы, а также от друзей и развлечений.

Если же учесть, что грипп нередко осложняется воспалением лёгких, воспалением среднего уха или другими болезнями, то оказывается, что грипп не такое уж безобидное заболевание.

Как уберечься от гриппа?

Грипп — болезнь заразная, он передаётся через воздух с мельчайшими брызгами слюны при кашле, чихании, даже при разговоре. Всё, на что попадает эта слюна, тоже может передавать болезнь: немытые руки, посуда, которой пользовался больной, его носовые платки, полотенце и другие предметы.

При кашле и чихании отворачивайтесь от соседей и прикрывайте рот и нос носовым платком. Оберегайте от заражения окружающих, особенно маленьких детей.

Если у вас повышена температура, ложитесь в постель и просите вызвать к вам врача. Выполняйте все его указания.

Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 2/III 1951 г.

Изд. № 173.

82×110.

А — 01351.

8 печ. л.

Тираж — 115 000.

Заказ 330.

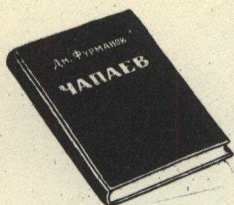
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

СОДЕРЖАНИЕ

Скоро экзамены	1 стр.
Почётный гость. — Рассказ К. Киришиной. Рисунки Б. Винокурова . . .	2 "
Моя мама. — Стихи С. Баруздина . . .	10 "
В дни Парижской Коммуны	11 "
На гумне. — Рассказ Г. Скребицкого. Рисунки Евг. Васильева	14 "
Белый голубь. — Главы из романа Олеси Кравець. Продолжение. Перевод с украинского Анны Кравченко. Рисунки П. Кирпичёва	17 "
Литературная страничка	28 "
Что я видел в советской школе. — Мариус Серванкс	30 "
Школьный звонок. — Стихи Ю. Яковлева	31 "
Федеральная № 66. — Рассказ С. Гансовского. Рисунки В. Цельмера	32 "
По местам пребывания Колумба Российского	39 "
Пионеры села Самойлихова. — Фотоочерк В. Гусева	46 "
Будь готов к труду и обороне	49 "
О чём рассказывают рисунки. — Е. Рубцова	52 "
Для умелых рук	58 "
Советы пионерскому активу	60 "
В мире книг	62 "
Наш календарь	III стр. обложки

На обложке: рисунок Н. Кольчицкого „Здесь пройдёт новый канал“

наш календарь

ПИСАТЕЛЬ-БОЛЬШЕВИК

Это было ещё в царское время. В реальном училище небольшого приволжского городка Кинешмы шёл урок. Учитель заметил, что один из школьников, сын прачки, пришёл в рваной, кое-как заплата́нной одежде. Он вызвал ученика к доске и стал высмеивать его перед всем классом. Ученик молчал, покраснев от стыда, слёзы навернулись у него на глазах.

Тогда с парты поднялся его товарищ.

— Стыдно вам упрекать человека за то, что он плохо одет, — резко сказал он учителю. — Ему, может быть, есть нечего.

Взбешённый учитель приказал мальчику уйти с урока. Тогда тот обратился к товарищам:

— Ребята, с таким учителем нам незачем оставаться. Кто со мной?

Он вышел из класса, а за ним последовала половина учеников.

За этот смелый поступок ученик жестоко поплатился. Его исключили из училища...

Мальчика, который так смело вступился за своего товарища, звали Дмитрий Фурманов.

Вы знаете это имя. Дмитрий Андреевич Фурманов — автор замечательной повести «Чапаев», которую все вы, конечно, читали.

В этой книге под именем комиссара Фёдора Клычкова Фурманов описал самого себя. Это его, молодого большевика, партия послала комиссаром в знаменитую Чапаевскую дивизию.

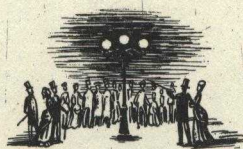
Фурманов умер двадцать пять лет назад, 15 марта 1926 года. Вся его недолгая жизнь прошла в борьбе с врагами советского народа на фронтах гражданской войны. Только за несколько лет до смерти, когда война кончилась, Фурманов смог осуществить свою давнюю мечту — стать писателем. Его повесть о Чапаеве — одна из лучших книг о героях гражданской войны.

«РУССКИЙ СВЕТ»

Семьдесят пять лет назад на одной из площадей Парижа, перед зданием Оперного театра, собралась большая толпа. Все с нетерпеливым ожиданием смотрели на два ряда белых матовых шаров, подвешенных на высоких столбах вдоль выходящего на площадь проспекта.

Внезапно шары ярко вспыхнули. На площади стало светло, как днём.

— Русский свет! Русский свет! — слышались восторженные восклицания.

Тогда это казалось каким-то необыкновенным зрелищем. Парижане знали только тусклый свет керосиновых и газовых горелок. Они привыкли видеть, как с наступлением сумерек по городу брели фонарики с лестницами и зажигали один за другим уличные фонари. А тут, словно чудом, вспыхнули сразу десятки ярких ламп.

Это были первые в мире электрические лампы. Их изобрёл великий русский учёный Павел Николаевич Яблочков. Вот почему этот новый необыкновенный источник света называли «русским светом».

23 марта 1876 года Яблочков получил патент на своё изобретение. И вскоре «свечи Яблочкова» появились на улицах и в зданиях Петербурга, Лондона, Берлина, Мадрида и

других столиц. Открытие русского учёного распространилось по всему миру.

КОМПОЗИТОР-ПАТРИОТ

В этом году исполняется семьдесят лет со дня смерти великого русского композитора Модеста Петровича Мусоргского. Он умер 28 марта 1881 года.

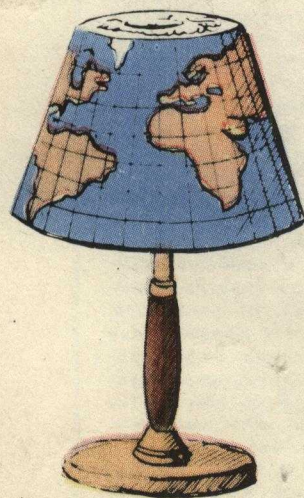
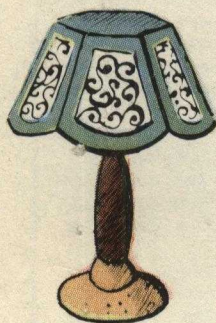
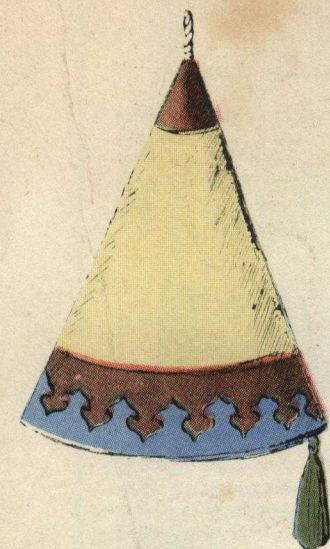

Оперы Мусоргского «Борис Годунов», «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка» стали гордостью русского искусства.

Мусоргский горячо любил Россию. В основе его произведений лежат народные песни, которые он слышал ещё в детстве, проведённом в деревне. В своих операх он стремился раскрыть красоту и богатство духовной жизни русского народа, передать в музыке мысли и чувства народных масс, изобразить народ в гневе и радости.

Среди многочисленных произведений Мусоргского есть песенки, которые он писал для детей. Они были изданы в сборнике под названием «Детская». В этих весёлых и грустных песенках композитор показывает, как маленькая девочка укачивает свою куклу Тяпу, как ссорится с нянькой проказник Мишенька, как ребята строят домик из прутиков. Нельзя без улыбки слушать эти песенки — так верно передан в музыке детский язык.

Ближайшими друзьями Мусоргского были замечательные русские композиторы Римский-Корсаков, Бородин, Балакирев, Кюи. Они вместе продумывали свои произведения, вместе боролись за русскую национальную музыку. Этих композиторов называли «Могучей кучкой» — так много силы и таланта было в их творчестве, такое огромное влияние оказали они на развитие русского искусства.

О том, как самому сделать красивый абажур для лампы, прочитай на странице 58.

